

РЕГИНА БРЕТТ
автор бестселлера
«БОГ НИКОГДА НЕ МОРГАЕТ»

БУДЬ ЧУДОМ

**50 уроков,
которые помогут тебе
сделать невозможное**

*«Это целая сокровищница вдохновляющих историй.
Их герои — обычные люди, достойные восхищения.
Книга даст вам стимул и научит видеть чудеса,
происходящие повсюду.»*

— BookPage —

Регина Бретт
**Будь чудом. 50 уроков, которые
помогут тебе сделать невозможное**
Серия «Проект TRUE STORY. Книги,
которые вдохновляют (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8221906

*Будь чудом. 50 уроков, которые помогут тебе сделать невозможное / Регина Бретт.: Эксмо;
Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74852-5*

Аннотация

Вторая книга Регины Бретт – это целая сокровищница вдохновляющих историй. Их герои – обычные люди, достойные восхищения. Каждый рассказ несет свой урок. А вместе они составляют своего рода учебник, дающий стимул творить добро и видеть чудо перемен повсюду.

Содержание

Вступление	5
Урок 1	7
Урок 2	10
Урок 3	13
Урок 4	16
Урок 5	19
Урок 6	22
Урок 7	25
Урок 8	29
Урок 9	32
Урок 10	35
Урок 11	38
Урок 12	41
Урок 13	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Регина Бретт

Будь чудом. 50 уроков, которые помогут тебе сделать невозможное

Regina Brett

Be the Miracle: 50 Lessons for Making the Impossible Possible

Copyright © 2012 by Regina Brett

All rights reserved. Except as permitted under the U.S. Copyright Act of 1976, no part of this publication may be reproduced, distributed, or transmitted in any form or by any means, or stored in a database or retrieval system, without the prior written permission of the publisher. All Scripture quotations are taken from the King James version of the Bible.

Grand Central Publishing

Hachette Book Group

237 Park Avenue

New York, NY 10017

www.HachetteBookGroup.com

Художественное оформление *П. Петрова*

Перевод *Э. Мельник*

Вступление

*Посвящается
Габриэль,
моему первому чуду*

Все мы каждый день проходим мимо творцов чудес.

Большую часть времени они маскируются под обычных людей: учителей, парикмахеров, медсестер, секретарей, кассиров, таксистов и им подобных.

Никогда не забуду тот день. Я была сплошным комком нервов. Остановилась, чтобы заплатить за парковку на открытой площадке. На большинстве парковок заведено так: при тормаживаешь у будки – человек просовывает руку сквозь маленькое окошко, берет деньги, выдает сдачу, и ты катишь дальше. Ты никогда не встречаешься с ним взглядом, и ни один из вас не запоминает этой встречи.

На этот раз служащий встал во весь рост, просунул в дверь голову и одарил меня широчайшей улыбкой. Он взглянул мне прямо в глаза, поздоровался, пожал мне руку и благословил. Только потом я уехала.

Он сказал, что любит свою работу и считает своим долгом благословлять людей, когда они проезжают через парковку, чтобы продолжить свой день. В том, что для меня было просто сбором денег, он видел миссию собственной жизни. Я рассталась с ним, увезя с собой чувство обновления и покоя.

У всех нас бывали такие моменты. Они возникают, когда оказываешься рядом с людьми, которые знают, что каждый человек имеет значение, что деньги не главное и что можно просто начать множить добро там, где ты находишься.

В мире столько проблем, что легко растеряться. Часто приходится слышать, как кто-нибудь говорит: «Почему кто-нибудь что-нибудь с этим не сделает?» А может быть, эти слова слетают и с ваших уст – как слетали с моих. Мы слышим плохие новости и шепчем: «Исправить это может только чудо». И ждем, ждем, ждем, чтобы кто-нибудь другой стал чудом.

Но чудеса – это не то, что делают другие люди. А то, что создает каждый из нас. Они случаются, когда обыкновенные люди совершают необыкновенные поступки. Быть чудом не значит решать проблемы всего земного шара. Это значит совершать перемены в своей гостинице, на своем рабочем месте, в своем районе, в своем сообществе.

В течение последних 26 лет я имею честь быть обозревателем газеты *Plain Dealer* в Кливленде, а до этого работала в *Beacon Journal* в Акроне. Я сижу в первом ряду на спектакле жизни. Обычные люди самых разных профессий раскрывали мне свои сердца и делились со мной рассказами о том, как они делали невозможное возможным. Ты познакомишься с некоторыми из них, поскольку часть очерков, вошедших в книгу, изначально была опубликована в этих газетах.

История моего заболевания раком побудила меня написать первую книгу – «Бог никогда не моргает. 50 уроков, которые изменят твою жизнь». Я написала эти первые 50 уроков в благодарность за то, что дожила до своих 55 лет. Когда 13 лет назад я облысела после химиотерапии и ослабела от облучения, то совсем не была уверена, что мне когда-нибудь

удастся постареть. В этом путешествии я познакомилась с несметным множеством людей, переживших рак. Они научили меня делать то, что возможно в данный момент, каков бы ни был прогноз.

Эти 50 уроков путешествовали по миру. Вначале как газетная колонка. Затем как рассылка по электронной почте, адресованная всей стране и миру. А потом они стали книгой. Генеральные менеджеры, пасторы, судьи, социальные работники цитировали их. Их перепечатывали в сотнях брошюр, церковных бюллетеней и газет маленьких городков. Люди носят перечень этих уроков в бумажниках, приклеивают их на стенки рабочих столов, прикрепляют магнитами на холодильники.

Как-то я услышала высказывание: мол, люди читают, чтобы не чувствовать себя одинокими. Надеюсь, новые очерки и истории из книги помогут тебе принять себя таким, каков ты есть, и побудит стать своим лучшим «я».

Мы не можем решить все проблемы на свете. Но в этом нет ничего страшного. Все, что необходимо сделать, – начать действовать прямо здесь, прямо сейчас. Если мы просто сделаем это, то полностью изменим наш мир.

Урок 1

Начинай действовать здесь и сейчас

Есть старая шутка: «Если ты считаешь себя слишком маленьким, чтобы что-то значить, значит, ты никогда не ночевал в одной палатке с комаром».

Всякий раз как я ее слышу, у меня даже уши дергаются при мысли о мощи одного надоедливого крохотного насекомого, которое способно не давать мне спать всю ночь и заставить чесаться весь день. На самом же деле все мы достаточно велики или достаточно малы – словом, мы именно такого размера, чтобы иметь значение.

Когда я работала газетным репортером в Акроне, штат Огайо, однажды сентябрьским днем мне дали задание освещать громкую газетную историю о похищении маленькой девочки. Девятилетняя Джессика Репп уехала из дома на своем розовом велосипеде. Она каталась в двух кварталах от дома, рядом с ней остановилась машина, и сидевший за рулем мужчина спросил, знакома ли она с кем-нибудь из тех, кто здесь живет. Затем вышел из машины, открыл багажник и притворился, будто что-то оттуда достает. Внезапно он схватил Джессику, остановившуюся на тротуаре, швырнул ее в багажник и умчался прочь.

Папа Джессики обратился в новостную редакцию *Beacon Journal*, умоляя нас написать статью о его пропавшей дочери. Он позвонил во второй половине дня, и мы не могли написать что-нибудь сверх немногих известных ему фактов и общего описания девочки. Полиция еще не сообщила никаких подробностей расследования, поскольку прошло слишком мало времени. Фактической информации было немного. Это случилось до появления *Amber Alerts*¹ и круглосуточных новостей на бесчисленных кабельных каналах. Одна из наших репортеров, Шерил Харрис, осталась в тот день на работе допоздна, чтобы выпросить у отца все возможные подробности. Она же позаботилась о том, чтобы на следующий день в газете появилась фотография девочки. Шерил едва хватило времени, чтобы написать пару строк помимо описания девочки с белокурыми волосами в розовой футболке.

24 часа спустя Джессика все еще числилась пропавшей без вести. К тому времени новость уже разлетелась по всем СМИ. Я стояла у ограды дома девочки вместе с толпой других репортеров в ожидании плохих новостей – мы почти не сомневались, что они будут плохими.

Любой полицейский скажет, что, если ребенок числится среди пропавших больше 24 часов, этот ребенок уже не вернется. В дом и из дома ручейком текли люди: священники, соседи и прихожане церкви. Это уже напоминало похороны.

Можете представить себя на месте родителя пропавшего ребенка? Молиться и сидеть у телефона всю ночь, надеясь, что любой звонок может принести новости о чуде. Но вместо долгожданного звонка мама, папа, сестра и брат Джессики услышали поутру шум полицейских вертолетов, искавших ее тело. Помощники шерифа верхом прочесывали окрестные кукурузные поля в поисках ее останков. Шериф, агенты ФБР и десятки полицейских рассыпались по всей округе. Полицейские даже взяли лодку, чтобы обыскать ближайшие озера. Собакам давали обнюхать любимого плюшевого мишку Джессики и пускали искать след пропавшей девочки.

Одинокий, потерянный мальчик расхаживал взад и вперед по улице, то подходя к джипу шерифа, то удаляясь от него. Джонатану, брату Джессики, было 13 лет. Он то и дело спрашивал, не нашли ли его сестру. Глаза его опухли и покраснели от слез и бессонницы.

---

¹ Международная система оповещения о пропаже детей.

Он всю ночь вскакивал и заглядывал в ее кроватку в надежде найти сестру в безопасности, крепко спящую.

Наблюдая за действиями полицейских в небе и на земле, я молилась о Джессике и ее семье. Я стояла на подъездной дорожке перед ее домом, и вдруг нам показалось, будто весь дом взорвался криками.

Полиция нашла Джессику.

Живую.

Мать, сестра, брат и все остальные выбежали из дома, рыдая и восхваляя Бога. Ее отец печатал дополнительные фотографии дочери, когда услышал эту новость. Он все бросил и помчался в больницу. Все репортеры тоже устремились к больнице. Присутствовавшие там полицейские не желали говорить, что случилось с девочкой. Когда они стали было расспрашивать ее, она разрыдалась.

Можете представить себя на месте родителя пропавшего ребенка?
Молиться и сидеть у телефона всю ночь, надеясь, что любой звонок может принести новости о чуде...

Оказалось, что в 5 часов утра похититель привез девочку в круглосуточный магазин Dairy Mart в Барбертоне. Продавец – один из самых незаметных тружеников на карьерной лестнице – обслуживал покупателей, когда в магазин вошел мужчина с маленькой девочкой, на личике которой застыл ужас. Служащий присмотрелся к ребенку, потом взглянул на фото Джессики Репп в газетной статье, которую написала Шерил. Да, это она. Служащий позвонил в полицию.

Этот продавец из круглосуточного магазина спас девочке жизнь. Он узнал и похитителя, который был у него частым покупателем. Через некоторое время служащий заправочной станции позвонил в полицию с рассказом о мужчине, который вел себя как-то странно. Видеозапись из магазина подтвердила, что это и был похититель. Он остановился на заправке, чтобы купить сигарет. Ближе к 11 часам утра полиция засекала его машину на открытой парковке. Девочка сидела в машине рядом с мужчиной.

Полицейские рассказали, что подозреваемый страдал невылеченным психическим заболеванием и отличался непредсказуемым поведением. Офицеры говорили, что, скорее всего, он вскоре впал бы в панику и убил девочку.

Самая важная статья за всю карьеру Шерил была одной из самых коротких. Возможно, под заметкой не было даже ее имени. Но она помогла спасти жизнь ребенку.

Впоследствии, много лет спустя, моя подруга Шерил была удостоена Пулитцеровской премии – самой важной награды, какую может получить журналист – за работу над длинной серией газетных статей о ра-совых отношениях. Шерил даже не помнит, что когда-то написала небольшую заметку о Джессике Репп. Та работа была слишком незначительна, чтобы как-то повлиять на ее карьеру. Она не была образчиком призовой журналистики, но я всегда считала ее кое-чем получше: это была журналистика, спасающая жизнь.

Самая важная статья за всю карьеру Шерил была одной из самых коротких. Возможно, под заметкой не было даже ее имени – я этого не помню. Но она помогла спасти жизнь ребенку.

Начиная действовать прямо здесь и сейчас, ты можешь всего лишь пробивать на кассе чеки за молоко, сигареты и бензин. А можешь – всего лишь – спасти чью-то жизнь.

Я так и не узнала, что случилось дальше со служащим заправочной станции или с продавцом из магазина, которые первыми сообщили в полицию о девочке и похитителе.

Эти простые служащие так часто остаются безымянными людьми... Мы даже в глаза им не смотрим, покупая бутылку молока или пачку сигарет, заправляя бак бензина.

Но эта история навсегда изменила мой взгляд на людей, мимо которых мы проходим каждый день, которые выполняют ту работу, от которой большинство из нас отказались бы. Эти труженики дали мне понять, что нет человека настолько незначительного, чтобы он не мог ни на что повлиять.

Если хочешь по-крупному изменить мир, исполняй свои маленькие задачи с бóльшей любовью, бóльшим вниманием, бóльшей увлеченностью. Просто прими ту работу, которая у тебя есть; ту семью, которая у тебя есть; тех соседей, которые у тебя есть; ту задачу, которая тебе назначена.

Кто знает, что может случиться, если просто реализовать возможности, открывающиеся прямо перед тобой! Начиная действовать прямо здесь и сейчас, ты можешь всего лишь пробивать на кассе чеки за молоко, сигареты и бензин. А можешь – всего лишь – спасти чью-то жизнь.

Урок 2

Попробуй сделать возможное

Невозможное может начаться с такой малости, как бугорок.

Годами я слышала предостережение: каждый месяц самостоятельно обследуй грудь. Как и большинство женщин, я проделывала это «вроде как» регулярно. Каждые несколько месяцев «вроде как» быстро прощупывала себя, но никогда не делала этого так тщательно, как советовали доктора. Я не хотела слишком активно искать себе проблем. Если их ищешь, то можешь и найти. А искать у себя рак – занятие неприятное. Слава Богу, что я его искала!

Однажды вечером, когда я пробегала подушечками пальцев по кругу вокруг груди, мои пальцы внезапно остановились. Так, и давно ли здесь это уплотнение? Возможно, это ничего не значит, но его не было там, когда я проверяла в прошлый раз. Это «ничто» обернулось второй стадией рака груди. Хирург удалил опухоль размером с виноградину.

Когда слышишь слово «рак», ощущение такое, будто кто-то схватил фишки твоей жизни и подбросил их в воздух. Все они летят в разные стороны. И приземляются уже на новой доске. Все сместилось. Не знаешь, с чего начать. Страх стихает, как только начинаешь по-настоящему действовать, как только начинаешь заниматься тем, что возможно.

Прежде чем начать курс лечения химиотерапией, я записала лучшие советы врачей, членов семьи, подруг, авторов умных книг и людей, переживших рак, и составила «руководство пользователя», которое должно было помочь мне позаботиться о самой себе. Оно должно было напоминать мне, что с раком можно справиться. Я составила план, чтобы пройти через 4 месяца химиотерапии и 6 недель ежедневного облучения. Мое руководство начиналось с клятвы выжить:

Я, Регина, клянусь выздороветь. Клянусь участвовать в своем лечении, даже если это означает, что придется переносить временные физические, эмоциональные и психические изменения в моей жизни. Клянусь придерживаться этого курса лечения и не оглядываться назад. Клянусь делать все, что в моих силах, чтобы исцелиться и жить.

Когда заболеваешь раком, такое ощущение, будто вступаешь в новую временную зону – Зону Рака. В Тропике Рака все вращается вокруг твоего здоровья или твоей болезни. Я не хотела этого. Жизнь на первом месте, рак – на втором. Поэтому я составила план игры. Радоваться жизни, несмотря на рак. Наслаждаться временем, проведенным с любимыми и близкими людьми. Прочитать все книги из моего списка обязательного чтения. Посмотреть все фильмы, которые еще не видела. Купить рояль, о котором всегда мечтала. Я планировала сохранить свою жизнь настолько нетронутой, насколько возможно: писать газетную колонку, играть в волейбол, вести в колледже уроки писательского мастерства.

Утром перед первым сеансом химиотерапии я сложила в рюкзак бутылку с водой, свое «руководство пользователя», блокнот, ручки, леденцы, CD-плеер, компакт-диски, наушники и книги. Сеанс должен был продлиться всего час или два, но я была готова ко всему.

Я уселась в кресло так, словно это был пляжный шезлонг, надела наушники и стала слушать Луи Армстронга, который пел: «Я вижу деревья в цвету и красные розы, я вижу, как они цветут для тебя и меня. И думаю про себя: какой замечательный мир!»

И – да, это был замечательный мир, несмотря на то, что он, казалось, целый год вращался вокруг рака. Когда я в 1998 году заболела раком, нигде в нашей округе не было групп поддержки, для которых не требовались бы деньги или медицинская страховка. В каждой больнице была собственная программа, но не существовало ни одного центра, где можно было бы пообщаться с другими людьми, переживающими рак, попробовать заняться йогой, массажем, рейки², физическими упражнениями, ведением дневника или другими холистическими целительными видами деятельности.

Когда слышишь слово «рак», ощущение такое, будто кто-то схватил фишки твоей жизни и подбросил их в воздух. Все они летят в разные стороны. И приземляются уже на новой доске. Все сместилось.

Спустя год после выздоровления в моей жизни появилась Эйлин Шафран. У нее была мечта. Эйлин хотела создать такое место, куда мог бы прийти любой человек, которого коснулся рак, и получить любую помощь, какая ему нужна, – бесплатно. Я сидела за одним столом с десятками людей, которых она пригласила на первую встречу по планированию. Ее мечта казалась слишком масштабной, слишком невозможной. Я сомневалась, что она когда-нибудь сможет воплотиться в реальность, поэтому вышла из игры. Я все еще была слаба после облучения и остаточных эффектов химиотерапии и не могла себе представить, каким образом план Эйлин сумеет хотя бы оторваться от земли.

Эйлин была клиническим социальным работником; у ее родителей с промежутком в 6 месяцев диагностировали рак. У отца обнаружили рак легких; у матери – неходжкинскую лимфому. Они умерли один за другим с разницей в три года. Находясь рядом все время их лечения, Эйлин осознала, что людям необходимо какое-то место, куда можно обратиться за помощью. Она мысленно рисовала себе центр, который не будет похож на больницу – ни запахом, ни ощущением, ни видом. Место, в котором людям не понадобится «правильная» страховка, чтобы прийти на консультацию. Место, где для того, чтобы тебе сделали массаж, не нужно назначение врача. Место, где каждый, кого коснулся рак, мог бы получить поддержку бесплатно. Место, где люди не чувствовали бы себя одинокими.

Эйлин работала с пациентами с онкологическими и психологическими проблемами. Она собрала консультативный комитет, встречалась со специалистами по раку и представителями различных организаций. Занималась исследованиями центров здравоохранения по всей стране. Разработала и запустила веб-сайт touchedbycancer.org. Эйлин распахнула двери своего центра «Место встречи» (The Gathering Place) через полтора года после первого заседания. Я так и не смогла понять, как ей это удалось. Как она это сделала?

– Оптимистическая наивность, – призналась она.

Когда я бываю в «Месте встречи», то вспоминаю строки из «Алисы в стране чудес». Девочка говорит: «Нечего и пытаться; нельзя поверить в невозможное», – на что Белая Королева отвечает: «Осмелюсь заметить, ты мало практиковалась, деточка. В твоём возрасте я уделяла этому полчаса каждый день. В иные дни я успевала поверить в десяток «невозможностей» до завтрака».

Если хочешь совершить невозможное, попробуй сделать возможное.

---

² Вид комплементарной медицины, в котором используется техника так называемого «исцеления путем прикасания ладонями».

Ее мечта казалось слишком масштабной, слишком невозможной. Я не могла себе представить, каким образом план Эйлин сумеет хотя бы оторваться от земли.

Эйлин создала своего рода «Швейцарию» здравоохранения. Это самостоятельный, независимый общественный раковый центр. Никаких территориальных споров между больницами. Не имеет значения, где кто лечится. Здесь рады всем. Любая услуга бесплатна для любого человека, заболевшего раком. Центр предлагает массаж, исцеление прикосновением рук, ведение дневников, тайцзи, йогу, программы диетического питания, физические упражнения и группы поддержки, где учат двигаться вперед, выглядеть лучше, находить внутренний покой. Есть программы по прощению, уходу за собой и здоровому питанию. В медицинской библиотеке можно получить консультацию по счетам за лечение, клиническим испытаниям и видам лечения рака. Волонтеры-поверенные пишут завещания и помогают с управлением недвижимостью.

Это место напоминает, что мы живем в замечательном мире, даже если ты борешься с раком или помогаешь бороться с ним близкому человеку.

Это место исцеления и надежды. Место, где вас никогда не попросят предъявить страховку. Место, в котором не чувствуется дух «учреждения». Здесь не делают рентген, не берут анализы крови, не проводят медицинское лечение или тесты. Оно, скорее, напоминает дом с камином, с оригинальными картинами, висящими на стенах, и уютной мебелью. Все это – пожертвования отдельных лиц и организаций.

«Место встречи» начиналось в 2000 году в бывшем помещении магазина с площадью в 6100 квадратных футов³. Центр удвоил свою площадь, а его ежегодная оперативная смета с 360 000 долларов в год выросла до 1,8 миллиона. Здание уже выкуплено. Центр содержится исключительно на пожертвования, а работают там 350 волонтеров.

На месте, где некогда была куча мусора, процветает целительный сад с фонтанами и водопадами, художественными изделиями из камня и кормушками для птиц. Кованые чугунные ворота, запутанные тропинки. Сказочный лабиринт – история о трансформации металлического кокона гусеницы в гигантскую серебряную бабочку. Это место напоминает, что мы живем в замечательном мире, даже если ты борешься с раком или помогаешь бороться с ним близкому человеку.

У нас пока нет панацеи от рака, но людям нравится, как Эйлин исцеляет страх перед болезнью, даря людям надежду. Так можем поступать и все мы – все остальные, делая возможное, насколько бы невозможным это ни казалось.

---

³ Приблизительно 567 квадратных метров.

Урок 3 Делай свое дело

В журналистике ко мне приклеился ярлык «добрая самаритянка» – за то, что я слишком стараюсь помогать людям. Я не считаю оскорблением этот эпитет, когда думаю обо всем, что делают наши «добрые самаритяне» – социальные работники, – врачую раны, помогая потерянными, одиноким, забытым.

Несколько лет назад, когда меня попросили выступить с речью на факультете прикладных социальных наук при Западном резервном университете Кейза, я не знала, какую тему выбрать.

Прежде чем выступать перед выпускниками, я обзвонила знакомых социальных работников с вопросом, что мне следует говорить. Они советовали использовать юмор. Социальные работники любят от души посмеяться. Рассказывай анекдоты, сказали они.

Анекдоты? Я не знала никаких анекдотов о социальной работе, за исключением тех, которые прислали мне друзья:

Сколько социальных работников нужно, чтобы поменять лампочку?

Нисколько. Они заставят лампочку измениться самостоятельно.

Сколько социальных работников нужно, чтобы поменять лампочку?

Нисколько. Лампочка не перегорела, она просто альтернативно светит.

Сколько социальных работников нужно, чтобы поменять лампочку?

Нисколько. Они создадут команду и напишут научную работу о том, как адаптироваться к темноте.

И еще моя любимая:

Сколько социальных работников нужно, чтобы поменять лампочку?

Лампочку менять не нужно. Нужно изменить систему.

А еще мне рассказали старый анекдот о грабителе с пистолетом, который подступает к социальному работнику и вопит: «Кошелек или жизнь!» – «Прошу прощения, – отвечает социальный работник, – я – социальный работник, поэтому денег у меня нет... да и жизни, в общем-то, тоже».

То же самое можно сказать о полицейских, медсестрах, учителях и огромном количестве людей других профессий, которые находятся на переднем фронте жизни. Они значат для нас так много, однако часто зарабатывают так мало! Когда я в последний раз интересовалась этим вопросом, стартовая зарплата социальных работников колебалась в районе 28 тысяч долларов в год.

Да, зарабатывают они мало. Или?..

Поэт Тейлор Мали заставил меня изменить свое мнение. Его важные слова о том, что зарабатывают учителя, были разосланы по всему миру в электронных письмах. Он заставил меня по-другому взглянуть на то, что именно зарабатывают социальные работники.

Учителям не платят столько, сколько они стоят. Они не хвастают направо и налево своей зарплатой, загородными домами и отпусками, проведенными на юге Франции. Их зарплаты и немногочисленные привилегии, вероятно, выглядят смешно и жалко по сравнению с бесконечными часами и бесконечной увлеченностью, вложенными в планирование уроков, проверку работ, консультирование учащихся и беседы с их родителями.

Мали подытожил значение профессии учителей, рассказав о том, как они заставляют детей трудиться упорнее, чем можно себе представить. Учителя могут превратить честно заработанную тройку с плюсом едва ли не в орден, если ребенок старается на пределе своих возможностей. Они также могут заставить тебя почувствовать, что пять с минусом – это почти двойка, если ты мог бы успевать лучше.

Я вспоминаю мистера Рикко, учителя, который вел у меня в девятом классе английский язык. Он мог бы стать кем угодно, мог бы отправиться куда угодно. Он любил оперу, поэзию и хорошие вина. Но он оставался на своем месте и учил мрачных девятиклассников школы Браун Джуниор в городе Равенна, штат Огайо, как написать один хороший, достойный параграф.

Учителя могут превратить честно заработанную тройку с плюсом едва ли не в орден, если ребенок старается на пределе своих возможностей.

А еще был мистер Маски, учитель хора в старшей школе. Когда мне хочется запеть в душе, я порой выбираю партию альты в хоре из «Вестсайдской истории», которую выучила под его руководством. Я ужасно завидовала сопрано, которые пели красивые мелодии, но он дал мне понять, что все партии имеют значение – даже самые маленькие. Я не верила ему, пока мы не взгромоздились на трибуны в школьном актовом зале. И, черт нас побери совсем, мы зазвучали почти как мормонский хор Святого Духа! Всякий раз, слыша «Боевой гимн республики», я вижу его руки, пляшущие в воздухе, сплетающие наши дрожащие голоса в одну прекрасную песню.

А еще был мистер Роберто, который минимум раз в неделю говорил мне: «Бесплатного сыра на свете не бывает, Бретт». Этот учитель естествознания произносил фамилию ученика так, словно она была точкой в каждом предложении. Он был нашим персональным флотским сержантом. Благодаря ему я сортирую свой мусор и сдаю его в переработку. Благодаря ему я переворачиваю гальку в ручье, чтобы увидеть, кто под ней прячется. Благодаря ему я прищипываю верхушки растений, чтобы они становились кустистее. Благодаря ему я когда-то хотела податься в лесничество.

Сколько их – учителей, чьи имена стерлись из памяти, но чей отпечаток в душе не сотрется никогда! Благодаря учителю я способна подвести баланс в чековой книжке, вычислить сложные проценты и подсчитать, сколько краски уйдет на ремонт комнаты размером три на пять метров. Благодаря учителю я ОБОЖАЮ читать. А когда любишь читать, перед тобой раскрывается весь мир.

Их так много – людей, которые делают свое дело. К несчастью, зарплата слишком многих болтается где-то в нижней части шкалы доходов. И это вновь возвращает меня к скромным социальным работникам.

Благодаря учителю я ОБОЖАЮ читать. А когда любишь читать, перед тобой раскрывается весь мир.

О них, как и о большинстве учителей, нельзя сказать, что они «делают деньги». Или делают?..

Что же они делают?

Они дают возможность бесплодной паре всю жизнь праздновать День матери и День отца, помогая им усыновить больного ребенка родителей-наркоманов, который больше никому не нужен.

Они помогают ребенку засыпать каждую ночь, не боясь кулаков отца.

Они помогают бездомному ветерану почувствовать себя как дома в этом мире.

Они помогают девочке-подростку принять решение перестать резать себе вены.

Они помогают избиваемой женщине найти мужество, чтобы покинуть своего мучителя навсегда.

Они помогают мальчику с синдромом Дауна почувствовать себя самым умным ребенком на свете.

Что же они делают?

Они помогают десятилетнему мальчишке поверить, что он – любимый и желанный ребенок, вне зависимости от того, сколько времени он продержится в очередной приемной семье.

Они учат отца-подростка считать до десяти и выходить из комнаты, чтобы перебороть желание встряхнуть плачущего новорожденного сына.

Они помогают шизофренику не обращать внимания на своих демонов.

Они помогают жертве изнасилования заговорить об этом впервые за долгие годы.

Они помогают бывшему осужденному отставить в сторону бутылку и устроиться на работу.

Что же они делают?

Они помогают супругам так наладить отношения, что те передумывают подавать на развод.

Они помогают умирающей от рака пациентке примириться со своим прошлым, со своим коротким будущим, со своим Богом.

Они помогают старику, чья жена страдает болезнью Альцгеймера, ценить те славные времена, когда она еще помнила его.

Они помогают забытым почувствовать себя ценными, некрасивым – прекрасными, растерянным – понятыми, сломленным – цельными.

Что же они делают?

Как Мали сказал про учителей, они делают больше, чем многие люди за всю свою жизнь.

Они делают этот мир лучше.

Урок 4

Приумножай добро

Они носят на себе ярлыки, навешанные миром, – «бродяга», «неудачник», «уголовник», «алкоголик», «проститутка», – пока не встретятся с Ларри Петрасом и не обнаружат, что эти ярлыки – абсолютная неправда.

Лишь немногие из людей, входящих в двери Вестсайдского католического центра в Кливленде, производят хорошее впечатление. Они мямлят, прося денег. Источают ароматы вчерашнего дешевого пойла. Носят неделями не стиранную одежду.

Ларри, которому было 76 лет в момент нашего знакомства, ничего этого не видел, когда стал работать волонтером в кливлендском агентстве по вторникам и четвергам. Стопроцентное зрение Ларри куда-то исчезает, когда речь идет о бедных. Он не видит ни грязи, ни неудач, ни позора.

Стоит ему поднять свои бифокальные очки на лоб над серыми, как море, глазами – и вот он уже стоит лицом к лицу с любимыми сыновьями и дочерьями Господа нашего.

–Я исхожу из того, что думает о них Бог, – говорил он. – Бог никогда не сожалеет ни об одном из своих творений.

Когда Ларри более десяти лет назад впервые пришел на волонтерскую работу, он сортировал одежду. Потом однажды кто-то попросил его помочь написать резюме. А вскоре у Ларри отбоя не было от таких же просителей. Ему придумали прозвище: Человек-Резюме. На дверях центра даже вывесили объявление, советовавшее людям обращаться к Ларри, если им понадобится такая услуга.

–Резюме – как этикетка на жестяной банке. Оно рассказывает о человеке, кто он такой, что есть у него внутри, что он может предложить, – говорил Ларри голосом настолько тихим, что мне пришлось наклониться вперед, чтобы расслышать его.

Этот старик с похожими на младенческий пух тонкими седыми волосами и черными бровями, которые нависают над глазами подобно толстым вопросительным знакам, не просто сидит за столом, собирая историю рабочих мест и соответствующих им дат. Он копает глубже, задавая вопросы: «Чего вы добились на этом месте? О чем вы мечтаете? На что надеетесь? Какие у вас есть увлечения?»

–В жизни человека всегда есть что-нибудь скрытое, что-то такое, о чем никто никогда не спрашивал, – пояснил он.

Ларри никогда не допытывается, почему или как бедняк стал бедняком.

–Общество и без того заставляет их терзаться чувством вины, – пожимает он плечами. Ларри выслушивает людей уважительно, как священник, принимая все, в чем они считают необходимым признаться, и дает отпущение грехов в каждом объятии.

Он отыскивает скрытую ценность каждой потерянной души, которая входит в его дверь, потому что натренировал себя видеть эту ценность. Когда ищешь хорошее в каждом человеке, ты не просто находишь это хорошее, но и приумножаешь его.

Он наклонился вперед, опершись локтями о колени в вытертых голубых джинсах, чтобы шепотом рассказать мне историю о женщине, которая злоупотребляла алкоголем с самого детства, но теперь вышла замуж и стала трезвенницей.

– Вы не поверили бы в эти истории, – качал он головой. – Жизнь, полная проституции, инцеста, побоев. «Фонари» под глазами, сломанные челюсти.

Нет такого человека, на которого Ларри мог бы махнуть рукой. «Пока человек жив, всегда есть надежда» – это его кредо.

Ларри говорит каждому, что он хороший человек, и просит его быть таким, каков он во мнении Бога. Он собирает давно утраченные крохи их личностей. Один 45-летний мужчина выполнял только низкооплачиваемую работу: убирал бейсбольное поле команды *Cleveland Indians* («Кливленд Индианс»), был мойщиком посуды и кондуктором в автобусе. А Ларри выяснил, что он окончил колледж и всегда хотел быть учителем.

В рубрике «Личная цель» в резюме Ларри написал: «Я хотел бы продолжить работу в колледже и стать учителем».

Нет такого человека, на которого Ларри мог бы махнуть рукой. «Пока человек жив, всегда есть надежда» – это его кредо.

Ларри выяснил, что один из его клиентов работал волонтером в центре по борьбе с голодом, и вписал это в его резюме. Другой мужчина некогда работал в химчистке, и под началом у него было десять работников. Ларри научил его говорить о себе: «Я был ответственным за...» – а не просто «я работал там-то и там-то».

Ларри не только пишет, что человек был оператором штамповального прессы. Он упоминает, что производительность его труда достигала 500 деталей в час, что пресс весил 600 тонн, что человек отработывал 12-часовые смены. «Надо же, сколько у вас навыков!» – восклицает Ларри, взволнованный каждой крупницей «золота», которую ему удастся найти в очередном клиенте.

Что, если ты направишь свое увеличительное стекло на все хорошее в тех сферах твоей жизни, которые кажутся мертвыми? На семью, из которой хочешь уйти. На работу, которая наскутила. На человека в зеркале, наконец?

Бывший менеджер по продажам в компании, производившей болты и гайки, нынешний пенсионер Ларри набирает свои заметки дома, распечатывает копии резюме и выдает их людям в красивых папках. Всякий раз, как он завершает свое дело, наградой ему становится выражение лица очередного клиента, который понимает: «Ого, я действительно кое-что собой представляю. У меня есть что предложить».

– Я подбиваю их мечтать о том, кем они могут быть, а не просто удовлетворяться своим нынешним положением. Я пытаюсь дать им надежду, – рассказывал он. – И это бесплатно.

Он отыскивает скрытую ценность каждой потерянной души, которая входит в его дверь, потому что натренировал себя видеть эту ценность. Когда ищешь хорошее в каждом человеке, не просто находишь это хорошее, но и приумножаешь его. Ларри напомнил мне одну строчку из Библии, слова Марии, когда та узнала, что беременна. «Величит душа моя Господа», – говорит Мария.

У моей души есть дурная привычка увеличивать то, что не слишком хорошо и богоугодно. Я слишком часто направляю свою внутреннюю лупу на неприятную реплику, брошенную каким-нибудь незнакомцем, и та разрастается. Или в прошлое – на учительницу, которая насмеялась надо мной в третьем классе. На подруг, которые разочаровывали меня в старшей школе. И эти раны становятся глубже. Или направляю ее в будущее – и бесконечный поток страха, тревог и беспокойства превращается в реку, которая сбивает меня с ног и уносит прочь.

Каково бы это было – заставить свою душу воистину величить Бога? Видеть добро в каждом, видеть Бога в каждом, как делает Ларри?

Это означало бы, что в любое мгновение любого дня ты ходишь по миру с особым увеличительным стеклом.

Во всем, на что ты его направляешь, ты видишь Бога.

Представь себе, что видишь Бога в своем начальнике. В коллеге из другого отдела. В водителе автомобиля, стоящем перед тобой в пробке на шоссе. В соседе, который не желает стричь свою лужайку. В громогласном парне, продающем в вагоне метро шоколадные батончики.

Представь, что видишь только добро в своем супруге. В муже, который слишком громко храпит и не опускает туалетное сиденье. В жене, которая слишком часто тебя допекает и никогда не дослушивает до конца.

Представь, что видишь только добро в своих детях. В трехлетнем малыше, который закатывает истерику в магазине при виде сладостей. В десятилетнем упрянце, который отказывается убирать свою комнату. В подростке, который разбивает взятый без разрешения автомобиль.

Представь, что видишь Бога в раковом диагнозе, который только что получил. Или в уведомлении об увольнении. Или в тесте на беременность, который оказался положительным... или отрицательным.

Что, если ты направишь свое увеличительное стекло на все хорошее в тех сферах твоей жизни, которые кажутся мертвыми? На семью, из которой хочешь уйти. На работу, которая наскучила. На человека в зеркале, наконец?

Все, что я вижу сквозь увеличительное стекло, становится больше.

И только мне решать, на что я его наведу.

Урок 5

Старайся изо всех сил, и будь что будет

Худшая газетная колонка, которую я написала, оказалась одной из моих лучших – благодаря одной учительнице.

Джо Энни Холлис была названа лучшим педагогом года в местной профессионально-технической школе городка, где я выросла. Она обожала преподавать домоводство людям с многочисленными и разнообразными физическими и психологическими расстройствами. Она видела в них потенциал, который не мог разглядеть никто другой.

Ее специальностью было заставить человека почувствовать себя значимым. Джо Энни умирала от рака, когда я за несколько дней до Пасхи брала у нее интервью для колонки, которая должна была выйти в Светлое Воскресенье.

На следующий день после нашей встречи я написала колонку для четвергового номера газеты, которая оказалась наилучшей из всего, что я создала за всю свою жизнь. Из попыток острить у меня ничего не вышло. Это было лучшее, на что я была способна в день, когда моя муза ушла в самоволку.

Я написала целую колонку, называя Пасху самым вульгарным праздником календаря. Вот фрагмент из этой заметки, которая шла под заголовком «Пасхальные лакомства могут сделать из человека психа»:

От их сверхъестественных расцветочек может сплевать даже пасхальный заяц. Любой производитель сладостей думает, что потребители покупают их, основываясь на их цвете – чем ярче, тем лучше. Тошнотворный розовый по-прежнему вне конкуренции, а по пятам за ним следует душераздирающе сиреневый.

И почему, почему все они обязательно должны иметь форму яйца? Кто это придумал? Наверняка не пасхальный заяц. Яйца сами по себе – жуткая гадость. Единственное вкусное яйцо – фаршированное.

А карамельные яички, голубые, как яйцо малиновки? Их выпускают целую вечность, но какому ребенку взбредет в голову съесть яйцо малиновки? И какой родитель ему это позволит?

Шоколадные зайцы по-прежнему в списке бестселлеров, но вам сильно повезет, если вы найдете такого, вкус которого не вызовет ассоциацию с музеем восковых фигур. Если вам кажется, что я одна сыта по горло этой «сладкой» ситуацией, просто дождитесь воскресенья. Не удивляйтесь, если пасхальный зайка оставит у вашей корзинки мелкие коричневые кругляшки. И это будут отнюдь не изюминки.

Коллеги в новостной редакции закатывали глаза, читая сей шедевр. Я подслушала, как один из них сказал, что я, должно быть, была подшофе, когда это писала. Несколько читателей позвонили и обругали мою заметку. Мне было стыдно. Я произвела на свет лучшее, на что была способна в тот день, но их критика задела кнопку моих внутренних сомнений – ту, которая постоянно заводит одну и ту же пластинку: «Да что с тобой такое? Неужели ты

ничего не можешь сделать как надо?» Я по-прежнему слышу голос своего отца в его худшем настроении в те дни, когда сама сужу себя слишком строго или это делает кто-то другой.

Этот голос изводил меня вплоть до того дня, когда я поговорила с мужем Джо Энни. Это случилось после того, как в пасхальное воскресенье вышла моя колонка о ней. Я написала о том, как учителя профессионально-технической школы *Maplewood Joint* («Мейплвуд Джойнт») в моем родном городке Равенне назвали ее лучшим педагогом года.

Джо Энни было 44 года, она умирала от рака мочевого пузыря; всего за какие-нибудь пять месяцев он распространился на толстую кишку, печень, легкие, позвоночник и головной мозг. И казалось, она тяжелее переживала мысль о том, что больше никогда не вернется в свой класс, чем разрастание рака.

У Джо Энни больше не было классной комнаты, но она по-прежнему вела уроки, лежа на больничной койке, установленной в ее доме. Первое, чему она меня научила, – смотреть человеку в глаза и называть его по имени. Стоило ее ореховым глазам поймать мой взгляд, как они его больше не отпускали.

Коллеги в новостной редакции закатывали глаза, читая сей шедевр. Я подслушала, как один из них сказал, что я, должно быть, была подшофе, когда это писала.

Когда я брала у нее интервью, она была прикована к постели, ее облысевшая голова была обернута красивым шелковым шарфом. Она попросила меня подойти и сесть рядом с ней, чтобы она могла смотреть мне в глаза, пока мы разговариваем. От Джо Энни исходила теплота, какой я никогда не чувствовала ни в одном человеке, ни прежде, ни потом. Было такое ощущение, будто вся она излучает свет, который невозможно увидеть, зато можно почувствовать. Я словно купалась в присутствии чистой любви и благодати. Чем ближе к ней оказывался человек, тем меньше замечал ее выпавшие волосы, ее почти прозрачную кожу.

Джо Энни рассказала мне, что учителя целыми автобусами приезжали к ее двору с плакатами, на которых были надписи: «Так держать, Джо!», «Учитель мирового класса» и «Учителя меняют жизнь». Каждый из них проходил через лужайку и поднимался к окну ее спальни, чтобы поблагодарить ее. Джо Энни говорила о своей работе в настоящем времени, хотя и знала, что никогда больше к ней не вернется. Тяжкий кашель прерывал каждую ее фразу. Она рассказала мне, почему так любила преподавать ученикам с умственными и физическими недостатками.

– Входя в класс, они смотрят в пол, – говорила она. – У них вообще нет никакой самооценки. Им даже в голову не приходит, что они – хорошие люди. Окружающие их ни в грош не ставят. Их распикивают по углам, как мусор. Их сторонятся. Для меня величайшая награда – видеть, как их взгляды отрываются от пола, встречаются с моим взглядом, – и понимать, что у них все получится.

Ее задачей было подготовить учащихся к работе в сфере услуг.

– Они могут освоить рабочие навыки на любом месте, если только люди будут с ними терпеливы, – объясняла она. – Немного труднее научить их жизненным навыкам.

Когда она везла в автобусе своих учеников перекусить, они останавливались в любимом заведении каждого ребенка, чтобы тот мог выбрать себе еду по собственному вкусу. В Объединенной церкви Христа, где она работала учительницей воскресной школы, Джо Энни открыла «Секцию интенциональной заботы», члены которой посещали больных, рассылали открытки и помогали пациентам добираться до больницы.

Было такое ощущение, будто вся она излучает свет, который невозможно увидеть, зато можно почувствовать. Я словно купалась в присутствии чистой любви и благодати.

Будучи командиром герлскаутов, она на первое место ставила удовольствие. Ее скауты далеко не всегда жили в первобытных условиях, когда выезжали в лагеря.

– Раз в год мы ездим в Шератон, – сообщила она шепотом, словно ребенок,веряющий мне свой секрет. – Если девочки хотят потратить там свои карманные деньги, я не возражаю. Мне нравится, когда все в удовольствие. Доставь людям удовольствие – и они запомнят событие на всю жизнь, не важно, что это будет: работа по дому, школьные домашние задания или церковная деятельность.

Больше всего она переживала из-за детей. Она так хотела увидеть, как ее 16-летний сын Тони станет «скаутом-орлом», а у дочери Дон, которой тогда было 14 лет, состоится конфирмация в церкви. Она знала, что не доживет до того времени, когда они окончат школу, вступят в брак или родят детей. И хотела, чтобы они помнили, как сильно она их любила. Чтобы знали, что могут радоваться красоте и чуду каждого дня, просто обращая на них внимание.

Джо Энни любила рассветы.

– О, это так прекрасно! Видишь восход солнца – и понимаешь, что это и есть слава Божия, – говорила она быстро слабеющим голосом.

Она хотела, чтобы ее дети и ученики прониклись ее собственным пониманием жизненного призвания, почерпнутого из любимой книги Библии – Послания к Ефессянам: «Итак я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира. ... Вы теперь свет в Господе: поступайте как чада света».

Ее свет погас в Светлое Воскресенье. Джо Энни Холлис умерла на рассвете, в свое любимое время суток.

Узнав о том, что она умерла, я позвонила ее мужу, Биллу.

– Помните ту колонку, которую вы написали о пасхальных сладостях? – спросил он.

Я собралась с силами. *О нет, думала я. Неужели это подтолкнуло ее к концу? Неужели колонка была настолько плоха?*

Билл рассказал мне, как он сидел рядом с Джо Энни и читал ей эту заметку.

– Она хохотала так, что не могла остановиться, – сообщил он мне. – В тот же день ближе к вечеру она впала в кому. И больше не очнулась. Я хочу поблагодарить вас за эту колонку. Благодаря ей мы в последний раз вместе смеялись.

Откуда нам на самом деле знать ценность нашей работы? Это не наша забота – судить о том, что мы предлагаем миру. Наше дело – все равно предлагать.

То был подарок мне от Джо Энни. Знать, что даже в своем худшем виде я все равно могу быть для кого-то подарком. Знать, что даже самые мои жалкие потуги могут глубоко затронуть какого-нибудь человека. Знать, что результаты того, что я делаю, – это совершенно не мое дело.

Я думаю о Джо Энни Холлис каждый раз, когда у меня возникает соблазн слишком строго судить себя или других. Откуда нам на самом деле знать ценность нашей работы? Это не наша забота – судить о том, что мы предлагаем миру. Наше дело – все равно предлагать.

Может быть, ты никогда не узнаешь истинной ценности своих усилий. Или, возможно, пока слишком рано ждать результатов.

Урок 6

Преврати свою работу в призвание

Все гости принесли подарки на предсвадебный девичник, но один из них выделялся. Он был такой красивый, что невеста даже не хотела его разворачивать. Коробка была обернута серебристо-белой бумагой и перевязана золотой, зеленой и бордовой лентами, а из центра узла свисала гроздь ужасно похожих на настоящие виноградин. Выглядело это совершенно потрясающе, скорее как украшение праздничного стола, чем как подарок на девичник.

Все мы охали и ахали, суется над коробкой, вслух гадая, в каком магазине сотворили такую невероятно прекрасную упаковку для подарка. Оказалось, что женщина, сидевшая рядом со мной, завернула его самостоятельно. Никогда не забуду, что сказала Сэнди Хортон, когда я сделала комплимент ее подарку.

– Давным-давно кто-то мне сказал, что все мы делаем одно и то же, – пояснила она мне. – Важно то, как мы это делаем.

Я часто об этом думаю, особенно когда знаколюсь с людьми, которые, занимая самые незаметные должности, выполняют свою работу просто блестяще. Любая женщина, чья нога когда-либо ступала в «Прекрасную уборную Валери», никогда не забудет ее хозяйку.

– Добро пожаловать в уборную Валери! – восклицает она. Ее девиз – перефразированная популярная песенка Боба Марли: «Don't worry. Pee happy» («Не беспокойся. Пописай и будь счастлива»).

Моя дочь познакомилась с ней в аэропорту города Шарлотта, что в Северной Каролине. Работа Валери – убирать туалет. Она всегда напевает, а на лице ее сияет вечная улыбка.

– «Ты – мое солнце, мое единственное солнце», – такой песенкой она встречает каждую заходящую женщину.

– Мест хватит на всех. Никакой очереди, ждать не нужно. Ждать не нужно, никакой очереди, – приговаривает она, порхая по туалету, открывая дверцы кабинок, приглашая посетительниц внутрь. – Если не получаешь удовольствия от работы, лучше не ходи туда. Это VIP-заведение. Очень важно, чтобы вы получили свое место в «Прекрасной уборной Валери». Сюда люди приходят, чтобы пописать и быть счастливыми!

Это женщина, которая целыми днями моет общественный туалет. Она могла бы сетовать, что занимает самую нижнюю ступеньку общественной лестницы. А вместо этого Валери возвышает дух каждой посетительницы, вне зависимости от того, на какой ступеньке лестницы стоит она.

– Надо бежать, надо бежать, надо бежать прямо сейчас, – напевает она, прихлопывая обтянутыми перчатками ладонями.

Невозможно не восхищаться тем, как она радуется жизни на рабочем месте, которое – с полным на то основанием – можно было бы назвать отстойным.

Есть и другие люди, с такой же радостью делающие свою работу. Я как-то читала некролог медсестры, которая пела своим пациентам. Пациенты ее обожали и всегда просили, чтобы за ними ухаживала «поющая медсестричка».

А есть еще Роберт Макинтайр, который работает рецепционистом в кливлендской клинике. Его работа – предлагать свою помощь, кресло-каталку или показать пациентам ракового центра и их родным, где вход и выход.

Роберт делает это творчески: он носит красный сюртук и черный цилиндр и не разговаривает, а поет, обращаясь к каждому.

Он никогда не мечтал быть певцом. Однажды решил было поступить в церковный хор, но хормейстеру никак не удавалось удержать в узде брата Макинтайра. Ему вроде бы полагается быть тенором, но его голос странствует в любом направлении, в каком пожелает.

–Я просто напеваю то, что радуется мои голосовые связки, – говорит он.

Это женщина, которая целыми днями моет общественный туалет. Она могла бы сетовать, что занимает самую нижнюю ступеньку общественной лестницы. А вместо этого Валери возвышает дух каждой посетительницы.

Его певческая карьера началась 15 лет назад в гараже другой больницы. Он был слушателем гаража, и ему нравилась акустика парковочного этажа. Однажды он принес с собой магнитофон, убедился, что вокруг никого, и самозабвенно запел песню *Under the Broadwalk*.

–Там никого не было, кроме меня и машин, – вспоминает он.

Закончив петь, Роберт услышал громогласные аплодисменты. Он обернулся и увидел толпу человек в тридцать, и все они хлопали.

Ой-ой, подумал он, я *потеряю работу*.

С этого момента и по сей день он поет при любой возможности. Роберт в своем красном сюртуке и черном цилиндре дает ежедневные представления в кливлендской клинике, в раковом центре Тоссиг, исполняя пациентам серенады.

–Я и консьерж, и привратник, и носильщик, – говорит он. – Я – целый конгломерат всякой всячины.

На его именном жетоне изображен лысый человек в огромном цилиндре, который остался от работы в качестве привратника в дорогом отеле. Когда Роберт его не надевает, то называет себя «членом тайного братства».

Он хранит свой цилиндр в серебряном шкафчике рядом со столом информации вместе с гигантским пластиковым мешком, полным заламинированных семейных фотографий. На одной из них изображен его брат, который умер от рака легких.

–Я пел для него, – говорит он. – Я сделал все, что мог.

В репертуар Роберта входят песни «Теперь я ясно вижу», «Сладкий час молитвы», «Ты потерял то ласковое чувство», «Мистер Боджанглс» и «Бог по-прежнему на троне». Он заставляет пациентов почувствовать себя особами королевской крови. Они приходят, ослабевшие от рака, химиотерапии, опираясь на трости и ходунки. Своей улыбкой и песней Роберт помогает им выпрямиться.

Роберт в своем красном сюртуке и черном цилиндре дает ежедневные представления в кливлендской клинике, в раковом центре Тоссиг, исполняя пациентам серенады.

Его знают все, кто бывал в клинике в последние пять лет – именно столько он здесь работает. Когда он пел песню «Ты – все», его прервала какая-то женщина. «Вы Роберт? – спросила она. – Я слышала о вас много хорошего».

Он улыбнулся и спросил: «Что я могу для вас сделать?»

Потом подошел к машине, взял ее тонкую руку в свои ладони и помог сесть в кресло-каталку. Роберт не любопытствует, не задает вопросов. И поет он негромко. Люди часто спрашивают его: «Где вы выступаете?»

«Здесь, вот прямо здесь», – отвечает он.

Когда говорят, что ему следовало бы быть профессиональным певцом, он отвечает: «Я и есть профессионал. Я профессиональный певец ракового центра».

Он превратил свою работу в призвание. И такой выбор есть у всех нас.

Ради одной пациентки он согласился петь не только в центре. Роберт всегда пел для Ширли Дорси песню *Smoke Gets in Your Eyes*. Ширли пришла в центр на облучение и химиотерапию, чтобы бороться с меланомой. Химиотерапия ей не помогла, зато помог Роберт. Он пел ей церковные гимны. А когда она умерла, ее муж Эд попросил Роберта спеть на похоронах.

Роберт надел свой красный сюртук и цилиндр. Он пел песню *Order My Steps*. Эд пригласил его остаться на ужин и познакомиться со всеми родственниками. Эд считает, что Ширли обязана Роберту последними днями жизни. «Он не просто подбодрил ее, – говорил Эд. – Возможно, он продлил ей жизнь».

Роберт отмахивается от похвалы.

– Я никогда не собирался петь, – говорит он. – Мне потребовались годы, чтобы осознать, что это мое призвание.

Он превратил свою работу в призвание. И такой выбор есть у всех нас. Все мы делаем одно и то же; важно то, как именно мы это делаем. Мы становимся даром для других людей, когда помогаем им почувствовать, что они сами – дар.

Урок 7

Преодолевай препятствия

Однажды я ехала брать интервью для газетной колонки и заблудилась в незнакомой части Кливленда. Несколько раз проехав взад-вперед по кварталу, я припарковалась и зашла в маленькое кафе-мороженое под названием *Scoops*. Окликнула стоявшего за прилавком подростка и попросила его подсказать, как добраться до нужного места. Он с такой готовностью помог мне, что я пообещала вернуться на обратном пути и купить стаканчик мороженого.

Когда много часов спустя я вернулась, чтобы заказать мороженое, подросток принялся отмерять мне порцию сливочного пломбира с орехом пекан с такой точностью, какой я в жизни не видела. Он взвесил даже рожок! Это был чернокожий подросток, обитатель бедного квартала, вероятно, лет 15 или 16. А вся эта история произошла за несколько дней до того, как в школах должны были снова начаться занятия.

Пока я стояла там и молча ждала свою порцию, что-то екнуло у меня в сердце. *Поговори с этим молодым человеком. Выйди за пределы своей зоны комфорта.*

–А когда у тебя начинаются занятия в школе? – спросила я.

–Не знаю, – ответил он.

Один вопрос – и раскрылся целый мир.

Терренс Эмбри сказал мне, что вообще-то он учится в Хоукен, престижной частной школе в богатом пригороде на другом конце города. Но у семьи сейчас туго с деньгами, и они больше не могут себе позволить оплачивать ту небольшую часть счетов за обучение, которую не покрывала школьная стипендия.

–А чем ты хочешь заниматься? – спросила я.

–О, я буду нейрохирургом.

Он сказал это с такой уверенностью, словно ничто на свете не могло его остановить. А потом весь следующий час рассказывал мне, как именно это случится, каковы бы ни были препятствия.

Терренс был одет в белую рубашку поло, его брюки цвета хаки прикрывал фартук, а на голове была шапочка с надписью *Scoops*, но вел он себя так, словно уже носил хирургическую униформу. Перед тем как наполнить мороженым каждый очередной рожок, он шел к раковине.

Намыль. Потри. Высуши. Потом набирай.

На какой-то миг его улыбка потускнела. Он рассказал, что его мама сейчас ищет работу, а отец – почтовый служащий. В этом кафе-мороженом Терренс работал всего четыре недели.

–Ну, если это будет не Хоукен, значит, наверное, просто не судьба, – сказал он, а потом улыбнулся, словно ему был известен какой-то секрет. – Я вижу только результат – я стану нейрохирургом.

Он тщательно вытер руки, а потом рассказал, что всегда хотел быть врачом. Три лета подряд он участвовал в развивающей программе, имевшей целью подготовить афроамериканских детей к учебе в шестых, седьмых и восьмых классах.

В это время он прочел книгу «Одаренные руки», написанную нейрохирургом и педиатром Беном Карсоном. Карсон рос в бедности, и поддерживали его только мама и Бог.

– У нас столько общего! – говорил Терренс. – Эта книга была ответом на мои молитвы. Она точно с неба упала ко мне в руки.

Оставить книгу себе он не смог.

– Но, – добавил он, – я буду помнить ее до конца своих дней.

Терренс был прихожанином располагавшейся в помещении бывшего магазина церкви Основания Истины, где мальчик, как он выразился, «радовался с Господом». Три года он занимался латынью. Хотел еще пойти на курсы испанского. В школе записался на продвинутые курсы биологии, химии и физики. В этом году он должен был стать учеником десятого класса. Играл в баскетбол и занимался легкой атлетикой.

В семье Терренс был младшим из семерых детей. Одна из его старших сестер уже работала и писала докторскую диссертацию по детской психологии. Она каждый день твердила ему, чтобы он не бросал занятия.

– Я никогда и не думал, что будет легко. Это всего лишь препятствие. Я его обойду, – говорил он, а потом перебил сам себя: – Нет, я пройду прямо сквозь него.

Да, о легкости не могло быть и речи. Его родители расстались три года назад.

– Раньше мы с папой делали все вместе, – говорил он. – А теперь в наших отношениях словно дыра образовалась.

И в семейных финансах тоже.

– Мы не бедны, мы просто небогаты, – обронил Терренс.

Весь прошлый год Терренс ездил на автобусе из своего дома на Вест-Сайде в частную школу на Ист-Сайде. Вечером он обычно возвращался домой не раньше семи.

– Обожаю Хоукен. Отличная школа, – говорил он. – Там на тебя возлагают ответственность.

Когда он впервые рассказал своим учителям и одноклассникам, что хочет быть нейрохирургом, они рассмеялись. Больше не смеются.

Когда он впервые рассказал своим учителям и одноклассникам, что хочет быть нейрохирургом, они рассмеялись. Больше не смеются.

Терренс рассказывал, как бы ему хотелось наблюдать настоящую хирургическую операцию или поговорить с настоящим нейрохирургом о том, как устроено человеческое тело. Он все равно верит, что сможет окончить Хоукен, потом Стэндфордский университет, потом Колумбийский...

А дальше что?

– Поеду туда, где я буду нужен, – ответил он.

Потом он вновь пошел к раковине, чтобы подготовиться к выполнению заказа следующего покупателя, который хотел рожок мятного мороженого с шоколадными чипсами. Терренс и эту порцию отмерил с хирургической точностью.

Намыль. Потри. Высуши. Потом набирай.

В один прекрасный день это будет так: *намыль, потри, высуши, потом режь*.

Я позвонила в школу Хоукен, чтобы проверить его историю. Администратор была поражена тем, что мне удалось найти Терренса. Школа пыталась связаться с ним все лето, но родители мальчика не контактировали друг с другом. Преподаватели и администрация были так рады, что наконец нашли его, что согласились покрыть все расходы на обучение.

Врач собирался дать Терренсу возможность наблюдать хирургическую операцию на мозге. Он предупредил подростка, что некоторые новички начинают нервничать, других даже тошнит, а есть такие, которые не способны выдержать дольше 15 минут.

Когда в газете вышла заметка о Терренсе, жена одного нейрохирурга прочла ее, и словно что-то дрогнуло у нее в сердце. За обедом она рассказала эту историю мужу. Он тоже был тронут. Доктор Марк Лучано увидел в этом подростке самого себя в 16 лет, когда он еще только хотел изучать человеческий мозг – задолго до того, как начал сам оперировать. Доктору Лучано захотелось открыть дверь перед мечтой Терренса. Это дверь, которая расположена за ярко-красной линией, нарисованной на полу кливлендской клиники.

Терренс встретился с доктором Лучано в конференц-зале больницы. Подростку велели надеть голубые хирургические брюки и белый халат лаборанта. Доктор Лучано, сидевший на другом конце стола, казался столь же взволнованным, как и сам Терренс.

–Каждый новый пациент – это головоломка, – начал объяснять мальчику доктор Лучано. – Нужно выяснить, способен ли ты решить ее.

Лучано оперирует младенцев с водянкой мозга, детей с опухолями, малышкой с деформациями черепа.

В день их знакомства такой головоломкой была пациентка с декомпрессией Киари. Чтобы показать Терренсу, как задняя часть мозга пациентки оказалась сдавлена костями черепа, доктор сжал пальцы одной руки в кулак и просунул в кулак палец другой руки, изображая позвоночник. Мозжечок оказался вдавленным в отверстие, в которое входит спинной мозг.

Они стояли в самом начале длинного коридора – решающего перекрестка в жизни Терренса. Единственное, что останавливало подростка, – красная линия, нарисованная на полу.

Врач собирался дать Терренсу возможность наблюдать хирургическую операцию на мозге. Он предупредил подростка, что некоторые новички начинают нервничать, других даже тошнит, а есть такие, которые не способны выдержать дольше 15 минут.

–Если почувствуешь себя плохо, – предупредил он, – это не значит, что у тебя нет будущего как у врача.

Терренс выдохнул и облегченно расслабил плечи.

Далее доктор объяснил, что мозг не ощущает боли. Он рассказывал об использовании компьютерной технологии для ориентирования в мозге и отпускал шуточки о любви нейрохирургов к современным гаджетам.

Терранс кивал.

Они направились по коридору к операционной. Сзади оба выглядели как врачи, причем Терренс был выше ростом. Доктор Лучано предупредил мальчика, чтобы тот не переступал через красную линию, нарисованную на полу. Заступать за нее можно только подготовленному персоналу операционного блока.

Они остановились, чтобы надеть голубые хирургические шапочки и маски. Доктор Лучано объяснил, как завязать маску и зацепить ее вокруг носа, чтобы она не съезжала.

–Симметрично и плотно, – посоветовал он.

А потом показал Террансу, как заложить отворот вокруг кромки хирургической шапочки, «чтобы смотрелось круто».

–Всегда закладывай отворот, иначе выглядит простовато, – пошутил он.

Они стояли в самом начале длинного коридора – решающего перекрестка в жизни Терренса. Единственное, что останавливало подростка, – красная линия, нарисованная на полу. Доктор Лучано переступил через нее, но потом вспомнил, что ему нужны хирургические увеличительные очки, и побежал за ними. Терренс стоял неподвижно, как статуя, пальцы его ног горели, касаясь красной линии, он старался не наступить на нее.

–Не могу дождаться, – едва слышно выдохнул он себе под нос.

Он смотрел на эту линию – стартовую точку – и на операционные, располагавшиеся за ней.

Длинные ряды вешалок с белыми лабораторными халатами выстроились вдоль стен справа и слева от него. На каждом из них был жетон с именем хирурга. Терренс поглядел на них, потом засунул руки поглубже в карманы халата, в который был одет сам.

– Выглядит совсем не так, как показывают по телевизору, – прошептал он.

Прибежал обратно доктор Лучано.

– Ну, идем, – объявил он.

И Терренс переступил черту.

Они направились к металлической раковине, где хирурги мыли руки. Доктор Лучано попутно рассказывал подростку, как потрясающе выглядят головной и спинной мозг, затем небрежно распахнул дверь, ведущую в операционную, и Терренс последовал за ним.

Глаза подростка изумленно расширились, когда он увидел операционную бригаду. Ее члены поприветствовали его и предупредили, чтобы он не прикасался ни к чему в стерильной части операционной. Пациентка была подготовлена, укрыта хирургическими простынями, череп ее был вскрыт.

Доктор Лучано пригласил Терренса сесть на табурет у изголовья операционного стола и наблюдать.

Терренс взобрался на табурет, наклонился вперед и взгляделся в первый в его жизни человеческий мозг.

Урок 8

Надень свою «кислородную маску»

Всякий раз, как бортпроводник читает стандартную лекцию по правилам безопасности, никто не обращает на него внимания, но я прекращаю все свои дела и заставляю себя смотреть и слушать. Для меня это – желанное напоминание о том, что нужно лучше заботиться о самой себе. Особенно мне нравится тот момент, когда бортпроводник поднимает кислородную маску и говорит всем: «Если с вами путешествуют маленькие дети, непременно наденьте собственную кислородную маску сами прежде, чем помогать другим».

Часто ли получаешь разрешение поставить себя на первое место?

Родители-путешественники – не единственные, кому необходимо прислушаться к этому совету. Слишком многие из нас, особенно женщины, повинны в небрежности по отношению к самим себе. Нас воспитывали так, чтобы мы ставили на первое место супруга, детей, соседей, даже незнакомых людей и собственную работу.

Женщинам, как правило, требуется на час больше, чтобы добраться до больницы, когда они начинают ощущать симптомы сердечного приступа.

Как-то раз я брала интервью у психолога из кливлендской клиники для радиопрограммы, посвященной стрессу. Доктор Майкл Макки произнес фразу, которую я никогда не забуду: «Не устанавливайте для себя двойных стандартов». С собой нужно обращаться так же хорошо, как и со всеми остальными. Этот урок особенно четко дошел до меня однажды, когда я планировала пойти позаниматься йогой и наконец вписала сеанс в свой перегруженный календарь. Я не была на йоге несколько месяцев и сделала все возможное, чтобы освободить этот вечер. За два часа до занятий позвонила близкая подруга, которой понадобился человек, который может посидеть с ребенком. Смогу ли я этим вечером побыть с ее сыном?

Конечно, сказала я, и отменила свою йогу. А потом поинтересовалась, зачем ей это нужно.

Она хотела пойти на йогу.

Черт!

Я лишила себя занятий йогой – и сделала это сама, по собственной инициативе. Нет, я замечательно провела время, общаясь с малышом. Но ведь я не дала себе ни единой возможности посоветоваться с самой собой, прежде чем пожертвовать своим временем!

Я делаю это постоянно. Как и большинство знакомых мне женщин.

Многие из нас, особенно женщины, повинны в небрежности по отношению к самим себе. Нас воспитывали так, чтобы мы ставили на первое место супруга, детей, соседей, даже незнакомых людей и собственную работу.

Много лет назад Американский колледж кардиологии в Атланте опубликовал впечатляющий отчет о том, что женщины подвергаются большему риску смерти от сердечного приступа, чем мужчины, потому что откладывают обращение в больницу за лечением. Жен-

щинам, как правило, требуется на час больше, чтобы добраться до больницы, когда они начинают ощущать симптомы сердечного приступа.

Врачи и исследователи могут удивляться сколько угодно, но женщин этим не удивишь. Когда мужчина ощущает боль в груди, он звонит в 911 и направляется в больницу. А что делает женщина?

Она решает, что боль в груди может указывать на серьезную проблему, поэтому запекает лазанью, делает мясной рулет и готовит рагу с тунцом, чтобы вся семья не умерла с голоду за ту неделю, которую она проведет в кардиологической палате.

Мы всегда подходим к себе с двойными стандартами. Ставим себя на последнее место. Мы никогда не обращаемся ни с одним человеком так чудовищно, как с собой.

Открыв холодильник, чтобы поставить в него приготовленную еду, она замечает позеленевший сыр и неприглядные остатки какой-то еды, поэтому принимается освобождать и мыть полки. Она пакует для каждого члена семьи обед на следующий день, прежде чем сложить свои вещи для поездки в больницу. Заглянув в ванную, чтобы забрать свою зубную щетку, она задерживается, чтобы надраить раковину, отмыть ванную и туалет.

Она мысленно прикидывает, что у семейства через день закончится чистое белье, поэтому закидывает в стиральную машину кипу белья и складывает одежду, вынутую из сушилки. Она едет в больницу только после того, как все накормлены, сделали свои домашние задания и выполнили рутинные домашние обязанности.

По дороге в больницу она завозит дочку на футбольную тренировку, возвращает взятые из библиотеки книги и попутно записывается в добровольные помощники на программу обучения дошкольников чтению.

К тому времени как женщина добирается до больницы, она уже почти при смерти. Но перед глазами у нее мелькает не собственная жизнь, а жизнь детей и мужа.

Женщины всегда игнорировали свои страдания и минимизировали потребности. Мы всегда подходим к себе с двойными стандартами. Ставим себя на последнее место. Мы никогда не обращаемся ни с одним человеком так чудовищно, как с собой.

Как же нам измениться? Что надо сделать, чтобы мы вначале надевали собственную кислородную маску?

Для начала дай себе позволение это сделать. Считай, что это официальное разрешение начать лучше заботиться о самой себе. Забота о тебе и твое питание – твое дело, и ничье больше.

Доктор Макки предложил несколько возможных решений, которые стоит опробовать на практике. Вот мысли, которые я вынесла из нашего разговора.

Заботься о себе. Больше никаких двойных стандартов. Уважай свои обязательства перед собой не меньше, чем обязательства перед другими. Не раздаривай себя настолько, чтобы для тебя самой ничего не осталось. Личное время вписывай в расписание не карандашом, а чернилами.

Дай себе пять минут. Притормози и дай себе пять минут, чтобы успокоиться, сосредоточиться и обрести ясность. Прежде чем забирать детей после работы или заезжать в магазин, неподвижно посиди в машине. Проведи перезагрузку. После этого ты сможешь принимать лучшие решения и обнаружишь, что на самом деле ты – не ось, на которой вращается мир. Какое облегчение!

Выполняй по шесть циклов дыхания в минуту. У меня лично с дыханием проблема. Доктор Макки предлагает делать только шесть вдохов каждую минуту. Пять секунд вдыхаешь, потом пять секунд выдыхаешь. Попробуй. Это замечательно!

Надень кислородную маску сначала на себя – и всем окружающим тоже станет легче дышать.

Контролируй свои эмоции. Не отдавай пульт управления своими эмоциями другим. Больше никаких обвинений: «Этот парень выводит меня из себя... Мой начальник доведет меня до язвы... Дети – сплошная головная боль». Отбери у них пульт и почаще нажимай кнопку «СПОКОЙСТВИЕ». Невозможно контролировать то, что делают другие, зато можно контролировать свою эмоциональную реакцию на них.

Выполняй дыхательные упражнения на протяжении всего дня. Выбирай особые моменты, чтобы практиковаться – например, когда останавливаешься на светофоре, получаешь электронное письмо от своего начальника или стоишь в очереди в магазине. Делай один или два десятисекундных брюшных вдоха и говори себе: «Все хорошо, все хорошо».

Устраивай себе круиз удовольствия. Каждую неделю оставляй один час только для себя одной. Пусть это будет твой личный круиз удовольствия. Потрать его на «чистку перышек», сходи в художественный музей, в ювелирный салон или в цветочный магазин. Устрой себе час покоя и послушай свою любимую музыку, почитай любимого поэта, прими любимую ванну с пеной. Отдай этот час природе, понежься на солнышке, послушай шелест дождя, взглядишь в мерцание звезд. Если не можешь выкроить целый час подряд, разбей этот большой подарок на три маленьких – по 20 минут.

Проводи инвентаризацию всего хорошего. Застряв в пробке в час пик, оглядишься по сторонам и проведи маленький ритуал благодарности. Стоящая рядом машина заклеена скотчем. Ах! Поблагодари за то, что твоя машина целехонька. В машине перед тобой сидят три вопящих ребенка. Ом-м-м! Поблагодари за тишину в своей машине.

Укорачивай перспективу. Рассматривай жизнь как серию спринтов, а не как один долгий марафон, которому конца-края не видно. А между рывками отдыхай и обновляйся.

Невозможно контролировать то, что делают другие, зато можно контролировать свою эмоциональную реакцию на них.

Аристотель делил мир на мышление, чувствование и делание. По мнению доктора Макки, для того, чтобы хорошо справляться со стрессом, человеку необходимо изменить что-то в каждой из этих сфер. Вот моя любимая цитата из Аристотеля: «Мы есть то, что мы постоянно делаем». Постарайся завести привычку любить себя так же, как и всех остальных.

Надень кислородную маску сначала на себя – и всем окружающим тоже станет легче дышать.

Урок 9

Обращайся с людьми так, как они хотят, чтобы с ними обращались

Большинство из нас выросло на этом «золотом правиле»: поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой. Обращайся с людьми так, как тебе хотелось бы, чтобы с тобой обращались.

Как бы хорошо это ни звучало, возможно, это все же не истина в последней инстанции. Мы слишком часто делаем для людей то, что понравилось бы нам, но они могут оценивать нашу помощь совсем иначе.

Как-то я читала о двух сестрах, которые пытались помочь матери одолеть период противоракового лечения. Они приезжали к ней и убирали ее дом. Сестры потратили не один час, оттирая каждый дюйм ванной комнаты, чтобы она выглядела стерильно чистой, когда мать придет домой и пойдет переодеваться после хирургической операции. Но вернувшись из больницы и увидев сверкающую чистотой ванную, она обиделась на детей за то, что они нарушили неприкосновенность ее частной жизни.

Мы слишком часто делаем для людей то, что понравилось бы нам, но они могут оценивать нашу помощь совсем иначе.

Когда я училась в восьмом классе, мы решили собрать деньги и купить учительнице в подарок что-нибудь особенное. Мы понятия не имели, что бы ей такое подарить, и собрали сумму, достаточную для покупки нового пальто. А позже выяснилось, что она обиделась, когда мы вручили ей эти деньги. Она никак не могла понять, почему мы решили, что ее прежнее пальто надо непременно заменить новым.

Моя мама однажды сказала, что ей хочется маленький переносной телевизор в кухню. Совсем крохотный, чтобы его можно было ставить на рабочий стол, готовя ужин, а при необходимости переносить из комнаты в комнату. Папа подарил ей огромный телевизор, который она не могла поднять. Мама была раздосадована тем, что он не прислушался к ее желанию. А папа никак не понимал, почему ей не по вкусу телевизор, который больше и лучше того, что хотела она.

Усвоенный урок: обращайся с людьми так, как они хотят, чтобы с ними обращались. То, что важно для нас, может быть не так важно для человека, которому мы пытаемся помочь. Я научилась просто спрашивать: как я могу тебе помочь?

А Сюзан Миллер научила меня поступать еще лучше.

Когда я познакомилась с Сюзан, она работала консьержкой в отеле «Ренессанс-Кливленд» неподалеку от кливлендской Паблик-сквер. На ее визитных карточках было написано «супервайзер службы приема и размещения», но звание ««мисс Гостеприимство Кливленда» подошло бы больше. У вас проблема? У Сюзан есть решение! Ее всегда можно было найти в лобби отеля, где журчал фонтан, с телефоном, прижатым к левому уху.

Как добрая фея, Сюзан удовлетворяла все желания. Каждый человек для нее был VIP-персоной. Ее профессией было обращаться с людьми так, как они хотели, чтобы с ними обращались.

Вам нужно поменять билеты на другой рейс? Потеряли свой багаж? Хотите попасть на выставку-продажу? Нет проблем! Как добрая фея, Сюзан удовлетворяла все желания. Каждый человек для нее был VIP-персоной. Ее профессией было обращаться с людьми так, как они хотели, чтобы с ними обращались.

Для Сюзан не существовало такого понятия, как «типичный день». Она просыпалась в 3:50 утра, чтобы явиться на работу к пяти – на полчаса раньше, чем требовалось. За 14 лет она ни разу не опоздала.

– Я не делаю ничего особенного, – говорила она. – Просто отношусь к людям по-доброму. Меня так воспитали. Моя мать была совершенно замечательным человеком. Она учила нас эмпатии (способность к сопереживанию. – *Прим. ред.*) и любви. Надеюсь, что я и есть ее главное наследие.

Когда одному знаменитому поэту захотелось в 9 утра получить бокал белого вина, Сюзан нашла человека, который его налил. Когда бывший квотербек команды *Cleveland Browns* Берни Косар попросил найти бебиситтера для своих племянников, Сюзан вызвалась ему помочь. Когда у одного из членов музыкальной группы *Allman Brothers Band* оказался сломан зуб, Сюзан нашла стоматолога. Когда ее коллега Райан Крейг устроил для своих родителей вечеринку в честь годовщины их свадьбы, Сюзан усыпала розовыми лепестками их постель.

Почти каждый постоялец мог рассказать какую-нибудь историю о Сюзан.

Кресло-качалка. Женщине с новорожденным ребенком крайне необходимо было кресло-качалка, чтобы успокаивать младенца. Выяснив, что нигде в отеле нет ни единой качалки, Сюзан привезла такое кресло из гнutoго дерева из собственного дома и отдала его в пользование женщине.

Велосипед. Когда человек, который пообещал одолжить свой велосипед участнику триатлона, так и не объявился, Сюзан отдала спортсмену свой велосипед. Он финишировал вторым.

Купальник. В лобби отеля вошла женщина в одном купальнике, истерически рыдая, потому что кто-то украл ее одежду. Сюзан успокоила ее, вручив собственные запасные джинсы и футболку, которые держала под рукой на всякий случай.

Посыльный. Женщина, у которой был рак почек, приехала в город пройти курс лечения. У нее не было сил везти в больницу анализ мочи. Сюзан вызвалась отвезти его вместо нее.

Сироты. Осенью в отеле гостила группа сирот из Румынии. Дети никогда не слышали о Хэллоуине. Сюзан собрала для них 20 мешочков со сладостями – таких, с какими играют в игру «давай конфету, а то заколдую», – чтобы они могли ощутить дух старомодного американского Хэллоуина.

Пациент. Мальчик по имени Джонни прилетел из Сент-Луиса, чтобы лечить в кливлендской клинике рак мозга. Поскольку его отцу пришлось улететь домой раньше, чем ребенка положили в больницу, Сюзан провела весь вечер у постели мальчика, чтобы ему не было одиноко.

Возможно, мы все можем сделать что угодно – если просто выясним, чего люди хотят.

Ванна. Менеджер актрисы Диаханн Кэрролл позвонил в отель с просьбой подготовить для нее молочную ванну. Сюзан нашла местный магазин, который мог доставить в отель огромные бочки с молоком. Она согрела молоко, прежде чем отослать в номер актрисы, и

там его вылили в ванну. Кэрролл была вне себя от изумления. Оказалось, что ее просьбу неправильно поняли: она хотела просто бросить в воду для ванны горсть молочных шариков.

Сумочка. Всеобщая любимая история – о паре из Чикаго. Супруги явились на рецепцию, горюя из-за потерянной сумочки. Они полагали, что, скорее всего, забыли сумку в «Макдоналдсе» где-то между Чикаго и Кливлендом. Сюзан восприняла эту задачу как вызов. Она раздобыла карты, проследила маршрут супругов, позвонила в штаб-квартиру корпорации и узнала номера телефонов «Макдоналдсов» на маршруте – всех 30 закусочных. На десятом звонке сумочка *Fendi* счастливо нашлась.

– Даже не знаю, кто из нас больше радовался, – рассказывала мне Сюзан. – Я просто поняла, что могу сделать что угодно.

Возможно, мы все можем сделать что угодно – если просто выясним, чего люди хотят.

Урок 10

Попробуй поставить себя на место Бога

Иногда быть Богом – ужасная морока!

Не то чтобы я узнала об этом на собственном опыте, но после просмотра комедии «Брюс Всемогущий» становится ясно, что Его работа – со всеми этими бесконечными молитвами и мольбами о помощи – труднее, чем может представить себе большинство из нас.

В этом фильме актер Джим Керри играет разочарованного телерепортера, который застревает в транспортной пробке, потом его увольняют с работы, потом избивают. И еще он не знает, что делать с собакой, которая постоянно «орошает» его любимое кресло.

– Бог, почему ты так меня ненавидишь?! – выкрикивает репортер.

Я никогда не ставила вопрос именно так, но в некоторые моменты – и даже дни – бывало, чувствовала себя развязкой одного из Божьих анекдотов.

Мне когда-то было очень трудно препоручить Богу свою жизнь и волю.

Я боялась, что Он пошлет мне скучную жизнь, в которой будет мало радости и вообще никакого секса. Да и кому не хотелось бы хоть разок поиграть в Бога?

В такие дни выходишь из дома – и слишком поздно осознаешь, что лопнула резинка в трусах. Или заблудишься по дороге на собеседование о приеме на работу. Или какая-нибудь птичка решит облегчиться прямо на твою новую шелковую блузку.

В этом фильме Бог (актер Морган Фримен) бросает вызов человеку, которому кажется, что он муравей, а Бог – хулиган, который сидит на дорожке под палящим солнцем и держит в руке увеличительное стекло, наводя его на корчащихся от жара муравьев. Бог говорит: «Думаешь, ты можешь сделать лучше? Вот твой шанс». А потом он позволяет невезучему смертному некоторое время править Вселенной.

Поначалу это так весело – заставлять расступиться море транспортной пробки и томатный суп в тарелке, сгонять с неба тучи и делать огромной луну, увеличивать женщине бюст и давать возможность всем выиграть в лотерею, пусть даже каждый получит всего по 17 долларов.

Упиваясь властью, репортер кричит: «МОЯ воля да будет!»

Иногда я чувствовала себя развязкой одного из Божьих анекдотов. В такие дни выходишь из дома – и слишком поздно осознаешь, что лопнула резинка в трусах. Или заблудишься по дороге на собеседование о приеме на работу. Или какая-нибудь птичка решит облегчиться прямо на твою новую шелковую блузку.

И тогда становится страшно. Но только потому, что он озвучил эту мысль. У большинства из нас не хватило бы наглости выговорить ее вслух. Но всегда кажется, что исполнение нашей воли вышло бы куда веселее, чем исполнение воли Бога. Мне когда-то было очень трудно препоручить Богу свою жизнь и волю. Я боялась, что Он пошлет мне скучную жизнь,

в которой будет мало радости и вообще никакого секса. Да и кому не хотелось бы хоть разок поиграть в Бога? Ух ты! И с чего бы ты начал?

Пришлось бы проделать обязательную очистку мира от нищеты, болезней, ненависти и зла. Сделать слепых зрячими, глухим дать слух, паралитиков научить ходить. Ну, знаешь, все то, что говорит финалистка конкурса «Мисс Америка», держа в руках охапку роз, огромную, как у первоклассницы.

А как тебе такая идея? Каждый ребенок рождается здоровым, а деторождение происходит безболезненно. (Как-нибудь потом разберемся с небольшой проблемой перенаселения, вызванной такой радостью.) Каждый может поступить в колледж бесплатно.

Вместо двухдневных выходных сделаем трехдневные. И каждый человек в мире каждый год получает целый месяц отпуска.

В защиту Бога скажем, что никто из нас не сумел бы выдумать радугу, пламя, музыку, сны, звезды, грозы, секс, королевских оленей, Тихий океан, Гранд-каньон и Ниагарский водопад.

А как же женщины и их «критические дни»? Это изъян общей схемы. Как насчет мира, в котором мужчины не лысеют? В котором они действительно способны прочесть мысли женщины и покупают ей в Валентинов день шоколад «Годива», а не съедобные трусики.

Мир, где команда *Cleveland Indians* выигрывает мировой кубок хотя бы каждые пять лет. Нет, пусть будет каждые десять. Хорошо, договорились, пусть это случится хотя бы один раз за всю мою жизнь!

Библию неплохо бы как следует отредактировать, чтобы ее было легче понимать и труднее перевернуть. Дадим Иову отпуск, прежде чем он лишится всей своей семьи и собственности. Выбросим из текста часть войн и болезней.

Даруем тем, кто живет в Кливленде, такой климат, в котором нежится Сан-Диего. Да ладно, разве мы не заслужили передышки! У них есть океан. По мне, так это только справедливо.

Пусть в Рождество повсюду идет снег.

Не дадим волоскам расти в носах и ушах мужчин и на женских ножках.

Продлим октябрь и роскошную осень хотя бы дней на десять.

Да станут больше великодушные сердца и да съежатся все это.

Вместо того чтобы искать доказательств промысла Божьего в магических трюках, ищи его в текущем моменте. Вместо того чтобы ждать чудес свыше, находи их в себе.

Мир прекрасно мог бы обойтись без огненных муравьев, вшей, moskitov, скорпионов, змей, пауков и тараканов. Да, да, я знаю, что все они – часть пищевой цепочки. Кстати, о пище: давай-ка сотрем с лица земли брюссельскую капусту, домашний сыр и баклажаны.

То же относится к торнадо, ураганам, лавинам, снежным буранам, землетрясениям и цунами. Наверняка даже Бог ждет не дождется, когда же кишечная палочка, плотоядные бактерии и генитальный герпес исчезнут из схемы мироздания.

В защиту Бога скажем, что никто из нас не сумел бы выдумать радугу, пламя, музыку, сны, звезды, грозы, секс, королевских оленей, Тихий океан, Гранд-каньон и Ниагарский водопад.

Но разве это чересчур – просить, чтобы в каждый день рождения каждый из нас получал в подарок исполнение одного-единственного желания?

Знаю, знаю, «не моя, но Твоя воля да будет». Как Бог сказал в этом фильме, «Хочешь увидеть чудо? Стань этим чудом».

Бог есть в каждом из нас, в любой трагедии и проблеме. Только мы сами можем призвать свой величайший свет и любовь и стать чудом – прямо здесь, прямо сейчас.

Хороший совет всем нам, смертным.

Вместо того чтобы искать доказательств промысла Божьего в магических трюках, ищи его в текущем моменте. Вместо того чтобы ждать чудес свыше, находи их в себе. Вместо того чтобы мечтать о рае «где-то там», создай кусочек рая здесь. Вместо того чтобы искать знак Божьего присутствия в лесном пожаре, ударе молнии или плачущей статуе, присутствуй во всем – и будешь ощущать Бога повсюду.

Всякий раз как случается трагедия или появляется проблема, превосходящая любое решение, которое мы в состоянии придумать, мы обычно спрашиваем: «И где же Бог?» Представь себе, что случилось бы, если бы все мы сделали шаг вперед – все до единого человека – и сказали: «Вот Бог. Прямо здесь, во мне; прямо здесь, в тебе».

Бог есть в каждом из нас, в любой трагедии и проблеме. Только мы сами можем призвать свой величайший свет и любовь и стать чудом – прямо здесь, прямо сейчас.

Урок 11

Сумей разглядеть человека в каждом

УДжона Вуда нет свидетельства о рождении, если не считать потерянной черной Библией, которая содержит доказательство его происхождения и обещание наследственных прав на страницах с золотым обрезом.

Он даже не знает, сколько ему точно лет. Одна женщина нашла новорожденного младенца, засунутого в мусорный бак в Нью-Йорке, примерно лет 70 назад. Она принесла его домой, дала ему имя и вырастила как сумела. Спасенный из мусорной свалки ребенок избрал делом своей жизни помощь бездомным. Более 20 лет он проработал в городской миссии Кливленда, занимаясь всем подряд, от приготовления супов до уборки постелей, во имя любви к людям, которые чувствовали себя самыми нелюбимыми на свете.

– Я в итоге так и остался с бездомными, – говорит Джон, улыбаясь иронии, скрытой в этой фразе. – Вся моя жизнь была одним большим чудом.

Люди, которым он помогает, не знают точно, как к нему обращаться. Он откликается на преподобного Вуда, брата Джона, Вудса или Дока. Если бы у Джона было резюме, оно бы отразило профессии социального работника, водителя грузовика, техника «Скорой помощи», церковнослужителя и бальзамирощика.

Один пастор в Кливленде пригласил его в миссию еще тогда, когда бездомные сплошь были социально деградировавшими алкоголиками. Теперь же миссия, расположившаяся в современном комплексе безукоризненно чистых зданий, в основном обслуживает молодых людей, у которых есть проблемы с наркотиками.

Когда Джон начинал там работать, в миссии было всего пятеро служащих. Теперь их 62. Джон водил полуразвалившийся автобус, чинил вечно текущие трубы и сжигал мусор. Он до сих пор хранит нож, с которым как-то раз на него бросился один пьяный мужчина.

– Ох, ну и времечко было! – говорит он, усмехаясь. Вспоминает, как спускался в подвал в старом помещении миссии, чтобы сжечь мусор, и видел там сотни крыс.

– Теперь их нет, – смеется он. – Были, да все вышли. Как и я сам.

Я познакомилась с ним на вечеринке в честь его ухода на пенсию. Он хотел проводить больше времени с женой, которую зовут Беа. Планировал продолжать посещать в качестве церковнослужителя тюрьму, навещать душевнобольных правонарушителей.

– Я не загоняю их проповедями в угол, – объяснил он. – У них есть свои тревоги и обиды. Я их выслушиваю.

Спасенный из мусорной свалки ребенок избрал делом своей жизни помощь бездомным.

Его уши похожи на маленькие крылышки, торчащие из аккуратного облачка белого пуха. По центру его седовласой головы бежит оранжевая полоска – напоминание о том рыжеволосом мальчишке, который обрел Бога в восемь лет и с тех пор ни разу не терял.

Словно молясь перед трапезой, Джон сидел молча, сложив руки на коленях, пока присутствующие нахваливали его.

– Джон Вуд был как отец для меня и всех людей, занятых в этой программе, – сказал один из служащих под одобрительный ропот коллег, которые знали, как часто Джон забирал клиентов миссии к себе домой или водил их гулять в зоопарк.

Другой мужчина рассказал о том, как Джон использовал Библию, точно сборник рассказов, делясь с другими притчами о надежде.

– Он был как Моисей, – сказал этот человек. – А члены программы были его народом.

Затем на кафедру взошел Джон и прочел слова из пророка Иеремии, которые очень созвучны его жизненной истории и историям всех тех, кому он помогал быть любимыми.

– «Прежде, нежели... я образовал тебя, я познал тебя, – читал Джон, – я освятил тебя».

Джон сказал присутствующим, что не может считать своей заслугой жизнь любого из тех людей, которых он помогал спасать.

– Хотя я и проповедовал Евангелие, я ничем не славен, – проговорил он.

Потом он аккуратно закрыл старую черную Библию, закладки-ленточки которой истрепались до нитки, и пошел прочь, низко повесив голову, словно по-прежнему склоненный в молитве по какой-нибудь заблудшей душе.

Каждый из нас для кого-то важен. Это мысль, которой в городской миссии учится или учит каждый.

Есть еще один человек, который воплощает этот девиз в жизнь, работая там волонтером. Джон Галли проповедует его не словами, а... стрижками. Он способен восстановить человеческое достоинство за 20 минут, а то и меньше. В его руках расческа превращается в волшебную палочку, у ножниц отрастают крылья, и бездомные бродяги становятся джентльменами, достойными щедрой порции хорошего лосьона после бритья.

Каждый из нас для кого-то важен. Это мысль, которой в городской миссии учится или учит каждый.

Зайдите в его цирюльню – мужскую ванную-уборную, – где Джон состригает волосы, которым случалось ночевать на улицах, которые не мылись много дней и в которых порой обитают крохотные живые существа. Этот высокий мужчина с длинным, приятным, по-отечески мягким лицом, напоминающий Билла Косби, знает, что единственная разница между человеком, сидящим в его кресле, и всеми остальными – это одно неудачное решение.

Волосы Джона седеют, но его густые брови так же черны, как и халат, который он надевает перед стрижкой. Два дня в неделю он натягивает перчатки из латекса и открывает свою цирюльню между раковиной и писсуаром.

Порой, пока Джон стрижет своих клиентов, он слушает госпел (жанр духовной христианской музыки). В тот раз, когда я наблюдала его работу, фоновую музыку обеспечивали щелканье ножниц, посвист расчески и гул разговоров.

– Он очень мягкий человек, – проговорил Энтони, который пришел сюда с головой, похожей на сплошную чащу афрокосичек. Энтони кивнул головой в сторону черных пушистых облачков у своих ног – они отрастали целый год. Джон прокатился машинкой для стрижки волос по голове Энтони, мягко прижимая ее, чтобы сделать пробор. Вытряс на салфетку немного талька и промокнул голову Энтони.

– Хорошо, – проговорил Энтони, глядя на свою прическу, которая напоминала машинную стрижку, но на макушке была чуть длиннее. – Спасибо!

Как только выходил один клиент, его место занимал другой. В иные дни Джон делает до 35 стрижек.

– Как делаем сегодня, Билл? – спросил Джон. – Хочешь «под ноль»?

– Близко к тому, но не совсем «под ноль», – ответил Билл. Когда черные колтуны начали падать на пол, Билл закрыл глаза и расслабился, а Джон заговорил о своих клиентах.

– Все мы совершаем ошибки, – говорил он. – Просто ошибки у нас разные. Они не хуже, чем я сам. Дело только в последствиях. Мои грязь и несправедность не отразилась на мне так, как их скверна – на них... Протор хочешь? – спросил Джон.

– Нет, сэр, – вежливо ответил Билл.

У Джона нет подготовки профессионального парикмахера. Он рано вышел на пенсию, уволившись после 25 лет службы из почтовой компании, и начал работать волонтером в Красном Кресте, сдавал кровь и помогал жертвам катастроф. Он несколько раз стриг прихожан из своей церкви, а потом обратил внимание на то, как ужасно выглядят бездомные. И пришел в городскую миссию, чтобы помочь.

– Я молюсь каждое утро и прошу Господа направить мои глаза, мои руки и придать силы моим ногам. Ведь я же знаю, что не цирюльник. Я прошу Его не подпускать ко мне усталость и утомление, пока я не закончу, – рассказывал он, прибавив, что еще никто не жаловался на его работу. – Знаете, как они говорят? «С этим можно жить».

– Вы в курсе, сколько различий между плохой стрижкой и хорошей стрижкой? – поинтересовался Джон, а потом с торжеством закончил: – Четыре дня!

Дон уселся в кресло, и Джон закрепил черное покрывало вокруг его шеи.

– Он стрижет превосходно, – заметил Дон.

– Он слишком добр ко мне, – возразил Джон.

– Нет, я правду говорю, – настаивал Дон.

Джон ни разу не взял за свою стрижку ни гроша. И никогда не возьмет.

– Господь свидетель, я не стал бы делать этого за деньги, – говорит он. – Мне так не нравится. Зато мне нравится делать это так, как я делаю. Мне просто приятно, когда я заканчиваю очередную стрижку. Большинство этих парней не могут позволить себе поход к парикмахеру. Они только что из тюрьмы. И они могут стать еще хуже, учитывая, сколько им приходится попрошайничать.

– Я когда-то был горьким пьяницей, закладывал за воротник каждый день – *действительно* каждый день. Однажды Бог забрал у меня пьянство. Я когда-то любил крепкое слово, а потом Он и это забрал. Он позволил мне увидеть, как это мерзко.

Теперь, расставшись с этой «мерзостью», Джон способен помогать другим людям отыскивать их внутреннюю красоту.

– Стрижка вторична, – говорил Джон. – Это просто сосуд.

Он обмахнул волосы вокруг носа Дона и протянул ему зеркало.

– Э, да я чувствую себя на миллион! – сказал этот бедняк красивому мужчине в зеркале.

– Прекрасно. Вот и прекрасно.

Урок 12

Вступайся за других, особенно если они не могут сами постоять за себя

Было много случаев, когда мне следовало бы подать голос, но я этого не делала.

Однажды во время разговора по телефону мой собеседник начал рассказывать о своем бизнесе. Он походя заметил, какой прижимистый тип один из его покупателей. «Право, можно подумать, что его фамилия – Голдштейн», – бросил он и переключился на другую тему.

Мой внутренний голос завопил: *Голдштейн? Он что, намекает, что все евреи – скряги? Опять этот замшелый стереотип? Ты собираешься что-нибудь сказать?* Но не желая показаться ханжой, я не сказала ничего.

Когда я была в отпуске, стала свидетелем того, как два брата дразнили друг друга на пляже. Их отец рассердился и отвел одного сына в сторону. Он велел мальчику встать. Как только тот послушался, мужчина велел ему сесть. Как только мальчик сел, отец велел ему снова встать. Мальчик садился и вставал, как послушный пес, пока не начал скулить.

Больше 15 минут мальчик выполнял команды «сесть – встать». Все, кто были рядом, видели его унижение, но ничего не сделали. Когда мальчик еще сильнее расплакался, его брат принялся кидать в него песком и игрушками и смеяться. Отец на это никак не отреагировал.

Мой внутренний голос хотел крикнуть этому отцу: «Прекратите! Оставьте мальчишку в покое». Но другой голос внутри меня шептал: *Это его сын. Это их дело.*

Я ничего не сделала.

В одной кофейне в Кливленде я сидела рядом с группой женщин. Во время общей беседы одна из них рассказала анекдот, который можно было воспринять как расистский. Я была поражена. Никто из компании не рассмеялся, но никто и не сделал ей замечания. Кто-то из них быстро сменил тему.

Один мой внутренний голос вопил: *Как ты можешь позволить ей выдавать нетерпимость за юмор? Скажи что-нибудь!* А другой голос бранился: *Не закатывай сцену. Ты ее даже не знаешь. Достаточно просто не смеяться.* И, послушавшись этого второго голоса, я не сказала ничего.

Как-то после школьного футбольного матча в Кенте мы прошли мимо компании мужчин, сидевших в тюнинг-ованной машине, на заднем стекле которой огромными буквами было выведено слово *Ford*. Мой знакомый бросил громкую реплику: вот, мол, какая деревенщина. Пару минут спустя машина проехала мимо нас, и один из сидевших в ней выкрикнул в его адрес расистское оскорбление. Мой друг был в гневе, но так и не признал, что этот инцидент спровоцировал его собственный комментарий. Не желая усугублять ситуацию, я ничего не сказала.

Однажды утром тихий 17-летний парнишка, который ни разу в жизни не попадал в неприятности, взял бейсбольную битку и убил спящего отца.

В субботу я ехала на местный фестиваль близнецов в Твинсбурге вместе с еще одной парой. Рядом с нами притормозил общий знакомый в своем «Порше» и отпустил шуточку насчет «цыпочек», которым он собирался «устроить смотр» на фестивале. Его интересовало только одно, и он живописно изобразил, что именно: двойной набор больших грудей, ха-ха! Женщину, ехавшую со мной, просто разъярило его пренебрежительное отношение к нашему полу. Кроме нее и меня, в нашей машине женщин больше не было. Я хотела было присоединиться к ее возражениям, но ничего не сказала.

Однажды вечером, выходя из вагончика-ресторана в Кливленде и собираясь отправиться в театр, я увидела семью из пятерых человек, которые шли к своей машине. Внезапно отец пнул сына в спину. Когда мальчик заплакал, мне захотелось выпрыгнуть из машины и крикнуть мужчине, чтобы тот прекратил. Но кто я такая, чтобы читать лекции отцу? Это могло быть опасно. А что, если у него с собой пистолет? Что, если он сделает ребенку еще большее после того, как я уеду?

Я до сих пор слышу это свое молчание. Снова, и снова, и снова.

А вы свое слышите?

Почему мы не вступаемся? Боимся оказаться неправыми. Боимся быть теми, кто раскачивает лодку. Боимся, что нам нанесут ущерб. Однако именно наше молчание позволяет наносить ущерб другим.

Слишком многие из нас помалкивают. Много лет назад я писала рассказ-расследование о подростке из города Риттман, штат Огайо, которого арестовали за то, что он убил своего отца. Год за годом Уилл Снайдер терпел постоянные побои от рук отца-алкоголика, который страдал серьезным неизлечимым психическим заболеванием. А однажды утром, 21 января 1996 года, тихий 17-летний парнишка, который ни разу в жизни не попадал в неприятности, взял бейсбольную битку и убил спящего отца. Едва узнав об этой новости, поток соседей и друзей устремился в полицию, стремясь защитить мальчика. Они рассказывали полицейским о тех многочисленных случаях, когда видели его с синяками.

Соседи видели, как отец Уилла ударил его так сильно, что мальчик упал на землю. Друзья видели Уилла с синяками под глазами, ссадинами и следами от ремня. После того как полиция завершила расследование, 70 свидетелей подтвердили, что отец годами избивал Уилла. Уилл был обвинен в убийстве. Судья дал ему 5 лет условно с испытательным сроком. Никто не смел вступить за него, пока не стало слишком поздно.

Есть знаменитое стихотворение пастора Мартина Нимёллера о том, как добропорядочные немцы во времена нацистского режима не сумели защитить права других людей. Это мощное послание всем нам:

Когда они сначала пришли за коммунистами, я не вступился за коммунистов, потому что я не был коммунистом.

Потом пришли за членами профсоюзов, и я за них не вступился, потому что не был членом профсоюза.

Потом пришли за евреями, и я за них не вступился, потому что не был евреем.

Потом они пришли за мной, и к тому времени никого не осталось, чтобы вступить за меня.

Почему мы не вступаемся?

Боимся оказаться неправыми. Боимся быть теми, кто раскачивает лодку. Боимся, что нам нанесут ущерб.

Однако именно наше молчание позволяет наносить ущерб другим.

Южноафриканский священник Аллан Босак, который боролся против апартеида, как-то сказал, что, когда мы предстанем перед Богом в конце нашей жизни, чтобы он нас судил, Бог спросит: «Где ваши раны?»

Слишком многие ответят: «У нас нет никаких ран».

И тогда Бог спросит: «Неужели вы не нашли ничего, за что стоило бы драться?»

Урок 13

Рождайся заново каждый день

Звонок раздался в воскресенье поздно вечером, около половины десятого. Женщина откашлялась, потом оставила короткое сообщение на моей рабочей голосовой почте. Это произошло после того как я написала колонку, проникнутую духом оптимизма.

«Я только что прочла вашу статью в воскресной газете. Я родилась в 1930-е годы. Моя мать была не замужем. Она отказалась от меня, и я попала в приемную семью. Лучше бы она тогда сделала аборт, потому что у меня никогда не было счастливой жизни. Уверена, что на свете есть множество людей, которые чувствуют то же, что и я».

И все. Она повесила трубку.

Я несколько раз прослушивала это сообщение, чтобы понять, не чувствуется ли в ее голосе гнева, или обиды, или того и другого разом. Эта женщина сказала, что лучше бы она никогда не рождалась. Она прожила на свете больше половины столетия – и ее жизнь никогда не была счастливой.

Интересно, в чем она измеряла счастье.

Неужели она никогда не видела роскошного заката, разливающегося по горизонту? А как же сотни звезд на фоне черного неба? Неужели она никогда страстно не целовалась?

Съезжала ли она когда-нибудь на велосипеде с холма, так чтобы ветер трепал ее волосы? Бродила ли по руслу ручья, чувствуя, как мягкий ил просачивается между пальцами? Неужели она никогда не лепила снеговика, не читала прекрасного романа, не выигрывала в карты?

Мерит ли она счастье мгновениями – или годами? Должно быть, годами.

Наверное, она свалила все эти годы в кучу и объявила свою жизнь несчастливой.

Может быть, она так и не сумела оправиться от чувства обиды за то, что ее бросила биологическая мать. Может быть, удочерившие ее люди были злы или склонны к насилию. Но никто из нас – даже те, у кого с самого начала были два родителя, – не имеет гарантий абсолютной безусловной любви и счастья. Жизнь не так устроена, она штука куда более волнующая.

Мы были бы несчастны, если бы были счастливы все время. Это было бы все равно что вечное лето. Нам наскучили бы свет солнца и голубые небеса, если бы мы видели их каждый день. Вот поэтому я люблю Огайо. Здесь великолепная смесь гроз, метелей, жары, осенних листьев и грандиозных битв снежками.

Ни один человек не реализует все свои мечты. А если и реализует, обычно это бывает после того, как жизнь надает ему пинков.

Ни у кого не бывает идеальной жизни. Но если бы каждый мог свалить собственную жизнь в кучу и обменять ее на другую, большинство людей поспешно забрали свою бы обратно. Я бы точно забрала, со всеми ее травмами и страхами, со всеми моментами отчаяния. Я не согласилась бы ни на что меньшее.

Неужели эта женщина действительно думала, что лучше было бы ей быть мертвой? Мне вспомнился Джимми Стюарт на мосту в фильме «Эта прекрасная жизнь», готовый

покончить со всем разом. И то, как смешно и неуклюже ангел по имени Кларенс показал ему, как отчаянно скучал бы по нему мир, если бы он покончил с собой.

Может быть, эта женщина никогда не совершала такого грандиозного поступка, как спасение человеческой жизни, но она наверняка коснулась чьей-нибудь судьбы за те годы, что провела на этой планете. А если нет, то могла бы сделать это сейчас.

Я хотела посоветовать ей начать свою жизнь сначала. Если причина твоих страданий – неласковые родители, запишись на прием к психологу. Уйди из семьи и создай новую с тем, кто тебя любит. Стань волонтером, чтобы облегчать боль других людей.

Я хотела посоветовать ей поговорить с Богом. А если она с ним не знакома или видит в нем только злобного судью, то завести себе нового Бога.

Интересно, в чем она измеряла счастье. Неужели она никогда не видела роскошного заката, разливающегося по горизонту? А как же сотни звезд на фоне черного неба?

Я хотела сказать ей, что даже тем людям, у которых было двое родителей, горячо любивших их и всегда защищавших, счастье не гарантировано. Ни один человек не реализует все свои мечты. А если и реализует, обычно это бывает после того, как жизнь надаёт ему пинков.

Я хотела посоветовать ей пнуть жизнь в ответ. Если она ненавидит свою работу, пусть устроится на другую. Или, по крайней мере, начнет иначе к ней относиться. Если наскучил дом, пусть переставит мебель. Покрасит стены. Снесет одну из них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.